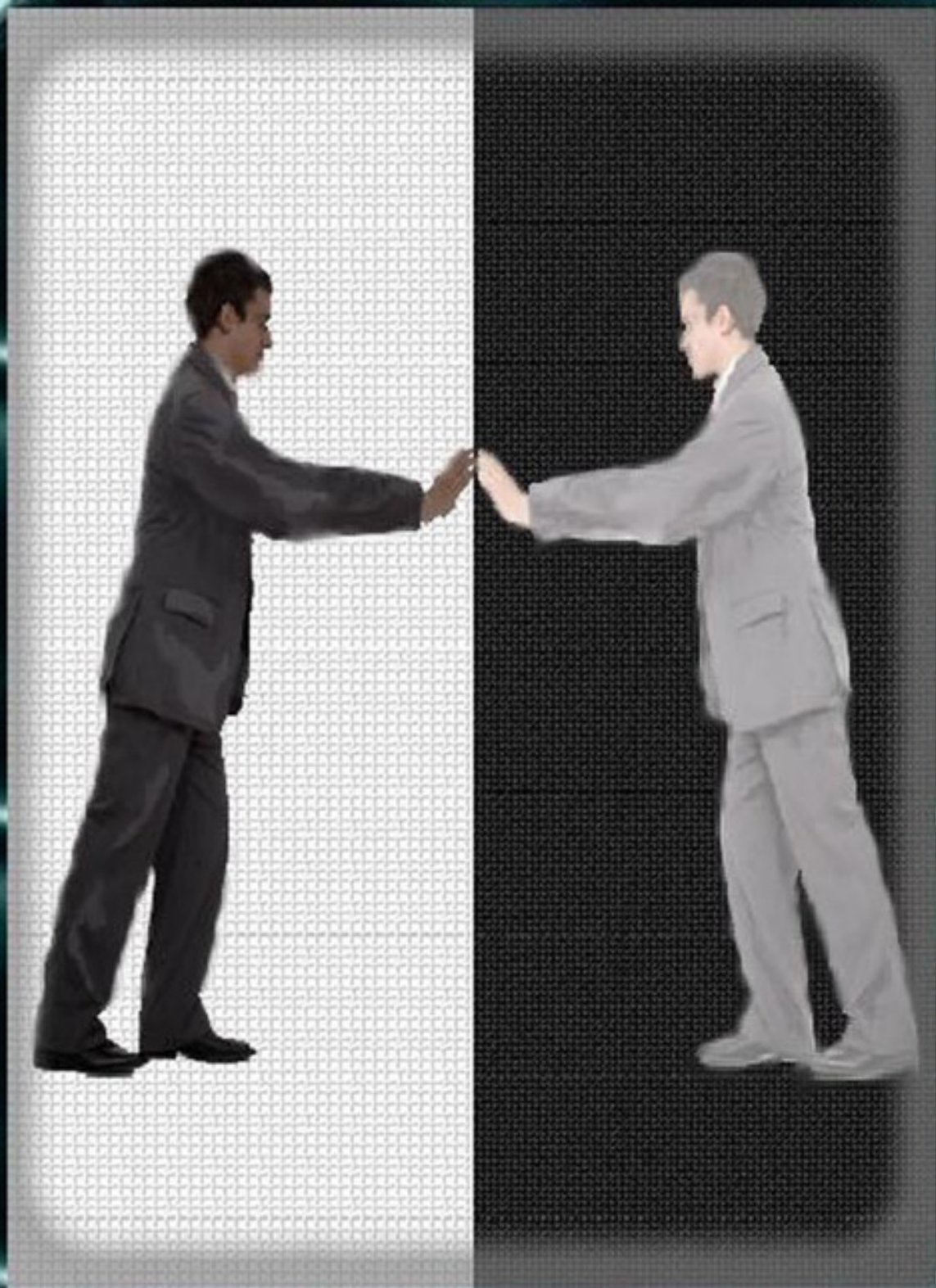

Владимир ЦАРИЦЫН
Я или
ЧЕЛОВЕК БЕЗ ТЕЛА

@ЭЛИТА

16+

Владимир Царицын

Я, или Человек без тела (сборник)

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Царицын В.

Я, или Человек без тела (сборник) / В. Царицын — Электронное издательство "Аэлита", 2013

Данный сборник представлен двумя повестями, написанными в жанре современной психологической прозы. Главный герой первой повести, давшей название сборнику – Николай Якушев, вполне успешный бизнесмен полный жизненных сил и планов на ближайшее будущее сорокапятилетний человек. Неожиданно в его жизни появляется некое инфернальное существо, называющее себя Человеком Без Тела. ЧБТ вступает с ГГ в диалог, желая напомнить все, совершенные за годы его жизни грехи и проступки. Вначале ГГ принимает этот странный разговор за сон, но ЧБТ приходит снова и снова. Постепенно ГГ начинает задумываться над прожитой жизнью и пытается в ней что-то изменить. Герой повести «Вкус коньяка» – Сергей Владимирович Иванов – человек уже достаточно пожилой и поживший. В одночасье (десять лет назад) потеряв семью, он теряет желание жить дальше. Единственное, что держит его на Земле – память о любимых. Однако неожиданно появившийся беспризорник Мишка круто меняет сначала привычный уклад и порядок жизни Сергея Иванова, а потом и отношение к ней.

© Царицын В., 2013
© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Я или Человек Без Тела	6
1	6
2	15
3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Царицын

Я, или Человек без тела

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Я или Человек Без Тела

Повесть

1

В глазах рябило от чередования красного и чёрного. Всё небо было исполосовано чёрными и красными мазками, словно его раскрасили маляры, которым дали краску только этих двух цветов. А они, маляры, и рады стараться – ну махать своими кистями! Как попало... Между мазками ничего не было, ни единого просвета – только красное и чёрное. Откуда такие краски? Небо должно быть голубым, если это день, или тёмно-синим со сверкающими звёздами, если ночь. Ну, каким-нибудь ещё: малиновым на закате, если завтра ждём ветра, серым, непогодным. Белым, наконец, если снег идёт, или туман. Да каким угодно, только не красно-чёрным!

Да и вообще – с чего я решил, что надо мной небо? Что я смотрю и вижу небо? Я не могу его видеть, потому что я в палате. В самой обыкновенной реанимационной палате второго хирургического корпуса Польшаградской городской клинической больницы. А в палате потолки, а не небо. Я не могу в палате увидеть небо. В потолке палаты окон нет, только в стене. Эх, голову бы повернуть, посмотреть: что там, сбоку? Да не могу. Ни сил нет, ни воли. А может быть, я не в палате?.. А где тогда? Может, я уже... того?

Какое сегодня число?

Нет, пожалуй, не вспомню...

– Что, живой ещё, подлец? – спросил кто-то. – Сегодня двадцать девятое февраля. Можешь не мучиться.

«Кто это?» – хотел спросить я, но смог только подумать.

Однако тот, кто решил со мной побеседовать, прекрасно меня понял.

– Можешь называть меня Человеком Без Тела, – назвался он.

«Дух, что ли?» – подумал я.

– Плохо усваиваешь информацию. Я же сказал тебе: Человек Без Тела.

«Хорошо. Буду называть тебя так, как ты просишь»

– Я никогда никого ни о чём не прошу, подлец.

«А почему ты обзываешься?!»

– Это подлецом, что ли? Все вы – подлецы. Дать бы тебе по морде... жаль, нечем.

«Ну, да, – подумал я, соглашаясь с логичностью его последнего замечания, – у него же нет тела. Чем он может дать по морде?..»

Как-то отвлечённо подумал, скороговоркой, не направленно.

– Ты про кого это сейчас подумал? Про меня? Если про меня, так и говори: «ты». Или «вы», если считаешь себя воспитанным человеком. А то – «он»! Неприлично разговаривать с собеседником в третьем лице, мы не в Польше.

«А ты что, все мысли читаешь?» – почему-то я решил казаться ему невоспитанным.

– А как это можно не все мысли читать? – ехидно и жёлчно спросил Человек Без Тела. – Выборочно, что ли? Нет, подлец, либо ты мысли читаешь, либо ты их не читаешь. А если ты их не читаешь, значит, ты такой же подлец, как и все вы... остальные.

«Убедительно» – решил я.

– Это истина. Истина не может быть неубедительной.

«Ты философ?»

– Я – Человек Без Тела. Я уже представился один раз. Мало тебе одного раза?!

«Хорошо, – поспешно подумал я, – тогда объясни, зачем ты здесь?»

– Жду, когда ты сдохнешь.

«А что, операция была неудачной?»

– Ха-ха-ха! – противно засмеялся Человек Без Тела. – Какая операция! Та, которую ты перенёс пять лет назад? Ты не просто подлец. Ты самый тупой подлец, которого я когда-либо встречал. Ты – полный идиот. Однажды ты попал в горбольницу с гнойным перитонитом. У тебя удалили аппендикс, промыли кишки, и после операции ты целых пять лет чувствовал себя великолепно. Жил и отравлял жизнь другим... Но ничего, вечно это продолжаться не может, настала и твоя очередь! Подошла, подошла, скоро ты сдохнешь!

«Но почему?!»

– Потому.

«Нет, уж будь добр, скажи, коли пришёл»

– Потому что очередь подошла, – спокойно пояснил Человек Без Тела. – Да ты к тому же сам очень торопился, всё норовил без очереди пролезть. Тебя и пустили вперёд.

«Кто пустил?»

– Те, кто не торопились.

«Ничего не понимаю»

– Так я и говорю – полный идиот. Идиотический подлец. Послушай, как звучит! Идиотический подлец. Как песня! Надо запомнить: идиотический...

«Хватит! – мысленно прикрикнул я на Человека Без Тела. И добавил более спокойной мыслью: – Хватит глумиться. Лучше объясни мне: кто я такой? Как меня звать? А то я слегка подзабыл своё имя. Где я? И вообще, что происходит? Почему я не могу двинуть ни рукой, ни ногой? Почему я не могу говорить, а только думаю?»

– Все вопросы задал? – с ироничным смешком в голосе, который вдруг показался мне знакомым, но я не мог вспомнить, где и когда его слышал, спросил Человек Без Тела. – Ты обездвижен и не можешь говорить словами, потому что это для твоего же удобства придумано. Двигательные процессы мешают умственным, а с мозгами у тебя и так проблемы. Ну, ладно, давай по порядку. Первый вопрос: кто ты такой? Ты – подлец.

«Это ты уже говорил. Я не совсем согласен, но...»

– Не перебивай. Итак: ты – подлец. Самый обыкновенный подлец, как и все вы, пока ещё живущие на этой Земле. Вы подличаете и грешите, грешите и подличаете. И нет конца грехам вашим, и нет меры вашей подлости. Я убедителен?

На этот раз я засомневался в его убедительности.

– Это истина, – строго и безапелляционно заявил Человек Без Тела, – а истина... впрочем, об истине я уже говорил.

«Хорошо, я согласен с тем, что я подлец», – поспешно, чтобы не сердить Человека Без Тела, согласился я.

– Далее, – удовлетворённо хмыкнул он. – Как тебя звать? Ты, конечно, имеешь в виду имя, которое записано в твоём паспорте? Так вот – там написано: Николай.

«Точно! Моё имя – Коля» – радостно подумал я, и мне стало тепло и уютно. Моё «Я» было теперь «Я с именем».

– Колян, – поправил меня Человек Без Тела. – Тебя так звали в школе твои приятели, и тебе это нравилось. Теперь кое-кто тебя называет Колюней, любовница твоя, например, когда хочет раскрутить тебя на бабки. Кто-то называет Николаем или Колей, та же любовница, когда ты ей денег отстёгиваешь меньше, чем она ожидала. Кто-то вульгарно Колькой, за глаза в основном. Но Колян тебе нравится больше.

«Больше», – мысленно подтвердил я, и чтобы полностью убедиться в этом, прокрутил в голове все производные своего имени и даже вспомнил детские прозвища.

– Только теперь Коляном тебя никто не называет. Некому. Потому что нет рядом с тобой тех школьных приятелей. Да и вообще у тебя нет приятелей, нет друзей, есть партнёры по бизнесу. А в этой среде принято называть друг друга по имени-отчеству. Так что для большинства ты – Николай Петрович. А когда ты спишь, ты видишь во сне детство, и там ты Колян. Хочешь, я буду тебя так называть? И это я иду на уступки, заметь. Что называется, через себя переступаю. Мне приятнее, гораздо приятнее, называть тебя подлецом.

«Хочу, – подумал я. – Хочу, чтобы ты называл меня Коляном».

– Замётано, Колян! Переходим к третьему вопросу – где я? Точнее, где *ты*? Где нахожусь я, мне известно.

«Так, где я?»

– На пороге преисподней. Сегодня у тебя генеральная репетиция перед торжественным вхождением в чистилище.

«Преисподняя?.. Чистилище?..»

– Это место ещё адом называют, – зевнув, добавил Человек Без Тела.

Почему-то меня совершенно не расстроило то обстоятельство, что я должен расстаться с белым светом. Но преисподняя? Почему преисподняя?

«Почему преисподняя?»

– Ха-ха-ха, – снова развеселился Человек Без Тела. – А куда ты собирался попасть – в рай, что ли? За все твои грехи?

«За какие грехи?»

– А ты считаешь, у тебя их нет?

«Ну...» – замылся я.

– У тебя грехов не меньше, чем у всех остальных подлецов. Только некоторые подлецы считают свою жизнь на белом свете грешной, и пытаются вымолить прощение, пока ещё живы. С ними вопрос посерьёзней. С ними не всё так однозначно, как с тобой. Там решение на высшем уровне принимается. А с тобой всё просто. – Человек Без Тела стал перечислять причины, по которым я лишился шанса попасть в рай. – Ни в церковь, ни в костёл, ни в синагогу ты не ходишь. Креста не носишь, да и окрестить-то тебя твои родители-партактивисты не удосужились. Грехов своих ты не помнишь и не признаёшь. А за сорок лет ты их немало наворотил. Короче – наш клиент.

«Может, напомнишь мне о моих грехах?»

– Вообще-то это не по правилам, сегодня ж только генеральная репетиция, – с сомнением в голосе произнёс невидимый собеседник и я почувствовал, что он не прочь рассказать мне о моих грехах, которые стёрлись из моей памяти, или я просто приказал себе о них забыть.

«Любое правило предусматривает исключение, – я решил слегка его подтолкнуть. – К тому же ты сказал, что сегодня генеральная репетиция. Так вот и давай... порепетируем»

Человек Без Тела задумался. Это я так решил, что задумался, потому что он долго молчал. Я тоже молчал, вернее, не думал. Я лежал и считал полосы на потолке. Или на небе. Красные и чёрные.

Человек Без Тела молчал. Я не выдержал и спросил:

«Ты ещё здесь?»

– Не мешай, я считаю.

«Что считаешь?»

– Соотношение.

«Хороших и плохих поступков?»

– А ты прогрессируешь! Не ожидал... Так дело пойдёт, об отсрочке попросишь?

«Ну-у... думаю, вопрос о моей смерти решённый? Или я всё-таки могу рассчитывать на отсрочку?»

Человек Без Тела крякнул и промолчал. Через минуту сказал:

– Подсчитал.

«И что получилось?»

– Семьдесят восемь тысяч четыреста тридцать три греха на семьдесят восемь тысяч четыреста тридцать два хороших поступка без учёта тяжести содеянного. По количественному показателю с натяжкой проходишь, Колян. Поздравляю!

«А надо ещё и по качественным показателям посчитать?»

– Нет. Это сложно. Приборов и инструментов необходимых нет. Да и не нужны качественные показатели для того, чтобы дать тебе шанс предстать перед другими должностными лицами. Они для другого подсчитываются.

«Для чего?»

– Для определения меры наказания.

«И что это за меры?»

– А вот это будет тебе сюрпризом, подлец.

«Ты же обещал!»

– Хорошо. Это будет тебе сюрпризом, Колян. Начнём?

«Ты будешь перечислять все мои грехи? Семьдесят восемь тысяч четыреста тридцать три греха? Если на описание каждого греха ты будешь тратить по одной минуте, то на это уйдёт... – я напряг извилины и выдал результат: – около двух месяцев!»

– Я тоже считать умею, – сказал Человек Без Тела. – Можешь не переживать – времени у нас с тобой хватит. Помнишь, какое сегодня число?

«Двадцать девятое февраля»

– А завтра какое будет?

«Первое марта, – подумал я. – Нынче у нас год високосный»

– Не угадал! Завтра тридцатое февраля. Потом тридцать первое, тридцать второе и так дальше, до бесконечности. А после бесконечности начнётся март. Так что времени у нас с тобой – вагон и маленькая тележка. Да ты не переживай, Колян, не буду я все твои грехи перечислять, мелочь всякую, наподобие детских «нежданчиков» и отказов есть манную кашу.

«Слава богу!»

– Не упоминай имя сие! Не достоин.

«Хорошо, как скажешь»

– Начнём с пятилетнего возраста. М-м-м... М-м-м... Нет, пожалуй, до самой школы нет ничего интересного. Начну с первого класса.

«Ох!» – мысленно вздохнул я.

– Учительницу, Галину Лаврентьевну, называл про себя дурой.

«Было», – вспомнил и снова вздохнул я.

– Получал неудовлетворительные отметки. Кстати, за поведение тоже.

«Это что – грех?»

– А ты сомневался?

«Дальше...»

– Дальше – хуже. Четырнадцать раз в первом классе дёрнул Светку Балашову за хвост. Взял у Димки Захарова книжку почитать, «Волшебник Изумрудного Города», и подрисовал Страшиле член.

«Не было такого!» – возмутился я.

– Что, книжку у Димки не брал?

«Книжку брал. А Страшиле я вовсе даже не член, а усы подрисовал...»

– И рога!

«Ну, и рога» – согласился я.

– Ха! Это я тебя на понт взял!.. Хотел убедиться, что ты слушаешь и вспоминаешь, а не просто так... Короче, в таком виде ты книжку и вернул. А когда Димка увидел твои художества

и предложил тебе купить новую, а эту оставить себе, ты выдрал страницу с усатым и рогатым Страшилой, сложил из странички голубка и запулил его через весь класс. А покалеченной книжкой стукнул Димку по голове. Димка тогда долго плакал. И не от боли, а от обиды... Две книжки ты, Колян, не вернул в школьную библиотеку. Сказал, что их у тебя украли, а сам забыл их на плитах на пустыре, где вы с ребятами играли в трёх мушкетёров. Вспомнил о книжках только дома, а возвращаться поленился. Ну и их, естественно, кто-то взял. Дальше...

Я ужаснулся тому, сколько всего было дальше. Сколько я совершил плохих неблагоприятных поступков. Скольким взрослым я наврал. Сколько обид нанёс родителям. Сколько неприятностей доставил тем, кто заботился обо мне, кто по-настоящему хотел мне добра, кому я был дорог и интересен. Сколько же грехов я совершил в своей бесконечно длинной детской жизни! Некоторые мои плохие поступки казались мне тогда чем-то совершенно незначительным, во всяком случае – малозначительным. А теперь почему-то мне было стыдно. Стыдно за оторванные лапки кузнечиков и за невыученные уроки, и как следствие – плохие отметки в дневнике. Стыдно за порванные школьные штаны и чернильные кляксы на лице, и, кстати, не только на моём. Чернильница-непроливашка в моих руках была очень даже проливашкой, а потому – страшным оружием, которого опасались многие пай-мальчики и пай-девочки. Особых различий между полами я в те времена не делал.

Но больше всего мне стало стыдно, когда Человек Без Тела напомнил мне о математической авторучке...

Она была ярко-малиновая, с золотым пером, золотой прищепкой и золотыми заглушками на колпачке и на другом кончике. Это был никакой не «Паркер» (в те времена никто не знал, что «Паркер» существует), но авторучка была такой красивой, что, как только я её увидел, сразу решил украсть.

Да, да, украсть.

Я тогда не знал, что такое грех, в лексиконе моих родителей такого слова не было, но они всегда говорили, что красть – это очень плохо. А я ничего не смог с собой поделаться! Уж больно она была красивая.

Я готовился к этой краже с тщательностью, которой позавидовали бы матёрые преступники. Математичка никогда и нигде не оставляла свою авторучку, почти всегда держала её в руках, но я верил, что рано или поздно Елена Аркадьевна, так звали нашу математичку, утратит бдительность, и мне представится возможность завладеть вожаделенной авторучкой. Верил и ждал своего часа.

Предполагая, что мне, возможно, не удастся сразу вынести малиновое чудо из школы, я облюбовал тайник – в мальчишечьем туалете за смывным бачком. Там за бачком была небольшая узкая площадка, а на ней полно пыли, и мне было совершенно понятно, что низкорослая уборщица баба Клава дотянуться туда своей тряпкой не сможет. А я, пятиклашка-переросток, дотягивался легко, даже на цыпочки не вставая.

В тот день к концу урока алгебры у Елены Аркадьевны дома случилась какая-то неприятность – то ли соседи её затопили, то ли она соседей, в общем, что-то связанное с сантехникой. Елене сообщили об аварии кто-то из учительской и она, не дождавись трёх минут до звонка, в панике помчалась домой, забыв на столе авторучку. Думаю, она бы ни за что её не забыла, но на столе лежала стопка тетрадей с нашими контрольными, которые Елена Аркадьевна планировала раздать нам после урока, а авторучка лежала рядом со стопкой. Стопка съехала и накрыла авторучку. Когда математичка убежала, мы бросились разбирать тетради. Всем было интересно узнать: что он получил за контрольную. Я подбежал к столу первым. Меня не очень волновала оценка, выставленная мне в тетради, просто я видел, как Елена Аркадьевна хлопнула кулачком по столу, сказав: «Чёрт подери!», когда ей сообщили о несчастье, видел, как стопка тетрадей накренилась и съехала вбок, завалив ярко-малиновый цилиндрик.

Никто не заметил, как я сунул авторучку в карман.

А потом я вынес её из класса и спрятал в тайник.

Алгебра была первым уроком. Елена Аркадьевна появилась в классе через час, к началу третьего урока. Она пристально посмотрела на пустую столешницу, заглянула под стол и спросила:

– Ребята, никто мою авторучку не брал?

– На фиг она нам нужна?! – возмутился с задней парты хулиган и двоечник Пашка Пупынин по прозвищу Пупок. – Мы, Лена Аркадьевна, уже два года шариковыми пользуемся.

И он был прав. Наливная чернильная авторучка была никому не нужна. Даже мне. Недавно, к первому сентября, родители купили мне аж три шариковых авторучки – с синим стержнем, с красным, и с чёрным. Авторучки лежали в прозрачном пластиковом чехле-футляре. Не у каждого школьника были такие. Но я сказал больше всему классу, чем Елене Аркадьевне:

– Очень надо с чернилами возиться. Каменный век, что ли?

– Ребята! Эта авторучка – память об одном человеке. Я ей очень дорожу. Отдайте, пожалуйста! Тем более что она никому из вас не нужна.

– Да не брали мы вашу авторучку, – завёлся Пупок. – Вы чё, не поняли, что ли?

Пупок злился, наверное, потому, что он своей выдавшей виды шкурой чувствовал: кто бы не скоммуниздил эту проклятую авторучку, обвинят всё равно его. А кого ещё обвинять? Он ведь плохо учится, а родители у него: мать – простая фельдшерица в ветлечебнице, к тому же пьющая, отец в тюрьме сидит. Неблагополучная семья.

– А почему ты грубишь? – тихо спросила Елена Аркадьевна, у неё побелел кончик красивого носа. – Почему, Павел, ты позволяешь себе разговаривать со мной в подобном тоне?

– Вы же себе позволяете! – очень убедительно заметил Пупок.

Прозвенел звонок, и в класс вошла русачка Софья Абрамовна, это был её урок.

– Софья Абрамовна, – тоном приказа сказала математичка. – Будьте добры, проследите, чтобы никто не выходил из класса. Я сейчас вернусь. – И гордо вышла, прикрыв за собой дверь.

Русачка пожалала литыми плечами и встала у двери, как скала. О том, что на улице всю гуляет бабье лето, и по причине тепла окна открыты, что класс находится на первом этаже, и что через открытые окна можно легко удрать, она не подумала, да и мы все даже не пытались этого сделать. Какое-никакое, но уважение к учителям и вообще к старшим, у нас, пятиклассников, живших в эпоху развитого социализма, присутствовало. Той отморозенностью, которая царит в теперешней школе, дети ещё не болели.

Софья Абрамовна Розенблюм была типичной еврейкой, и национальность свою скрывать не пыталась, да и сложно было её скрыть, имея такое имя, отчество, фамилию, а вместе с ними – широкие бёдра, крупный нос с горбинкой, кудрявые чёрные волосы и смуглую кожу. Говорила она, сильно грассируя. Теперь я бы не смог понять, каким образом ей удалось работать учительницей русского языка. А тогда я об этом не задумывался. Еврейский вопрос прошёл мимо меня. Я его не заметил. А про Софью я тогда думал, что она просто не совсем русская. И всё.

– Что вы натворили, рребятки? – спросила Софья.

– Лена Яковлевна свою авторучку посеяла, а думает, что это мы её спёрли, – за всех высказался Пупок. – А на фиг нам её авторучка? Она нам и на фиг не нужна.

– А вы точно не бррали? Может, из озоррства?

– Нет, Софья Абрамовна, – снова за всех ответил Пупок. – Мы не брали. – И повторил: – Она нам на фиг не нужна, её дурацкая авторучка.

Он бы ещё несколько раз повторил эти слова, но тут отворилась дверь и в класс вошла наша математичка в сопровождении всего мужского педсостава семнадцатой средней школы – физрук Михаил Евгеньевич, трудовик Семён Семёнович и завхоз Степан Матвеевич, или

попросту – дядя Стёпа. Класс притих. Честно признаюсь, я тогда решил, что мне какую – либо кто-нибудь всё же заметил, как я тырил авторучку и обязательно меня заложит, либо я сам сознаюсь под прессом такого авторитета.

Я выдержал, и оказалось, что никто не видел, как я украл авторучку.

Нас ошмонали: заставили вывернуть карманы брюк, у девчонок карманы на фартуках у кого они были, и проверили содержимое портфелей. Шмон длился весь урок русского языка. Вызывали по журналу, обыскивали и выпускали в коридор, где нам было велено ждать. Моя фамилия – последняя в журнале, меня последним и вызвали. Когда выворачивал карманы, я случайно столкнулся взглядом с Софьей Абрамовной, и увидел, что она плачет – совершенно беззвучно, пряча глаза, украдкой промокая слёзы со щёк клетчатым платком. Глаза у русачки были какими-то испуганными. Нет, не испуганными, а грустными. Грусть, смешанная с испугом и ещё с чем-то. Сейчас я сказал бы, что увидел в карих навывкат глазах Софьи сумеречный свет мировой скорби.

Что ей плакать, удивился я, ей-то что плакать?

Я не понял слёз русачки. И не понял этой её скорби. Тогда не понял...

А в ближайшую субботу состоялось родительское собрание, на котором и учащиеся присутствовали. Наверное, для того, чтобы нам всем было стыдно перед папами и мамами. Из преподавателей, кроме нашей классной, Анжелы Юрьевны, географички, присутствовали пострадавшая Елена Аркадьевна и завуч по воспитательной работе, историчка Надежда Николаевна. Истеричка, как мы её называли. Родителям было поведано Надеждой Николаевной, что в пятом классе «А» завёлся воришка. Он украл у преподавателя математики авторучку, подаренную ей мамой-учительницей, а мама Елены Аркадьевны получила эту авторучку из рук самой Екатерины Фурцевой. Все мамы и папы были возмущены, но не тем, что их детей необоснованно обвиняют в воровстве и унижают личным досмотром, как каких-то зэков, а тем, что их чадам приходится учиться вместе с вором, и, возможно, сидеть с ним за одной партой. Многие родители галдели, выкрикивали: «Милицию надо привлечь! Пригласить инспектора из детской комнаты милиции! Позор! Надо на корню пресечь это безобразие!» Моя мама усердствовала не меньше других, тоже возмущалась, а папа ничего не выкрикивал, потому что его не было на собрании, он как всегда по субботам допоздна засиживался на заводе.

Только спившаяся врачиха, а ныне фельдшерница из ветлечебницы – Пупынина, мама Пупка, хрипловато предположила:

– А может быть, ребятишки не виноваты? Может быть, эту авторучку Елена Аркадьевна оставила где-то в другом месте? А мы тут такую бучу устраиваем...

Пупынина, заранее оповещённая Пупком о родительском собрании, наверное, с утра заставила себя не пить. Или выпила, но немного. Её лицо было покрыто толстым слоем пудры, губы накрашены ярко и не очень ровно. На ней был строгий чёрный костюм и белая сорочка с кружевным воротничком, а волосы собраны в незатейливую причёску.

В принципе, если издали – женщина, как женщина, даже не очень старая. Обычно я видел Пашкину маму другой. Её почти всегда не было дома, когда я заходил к Пупку, чтобы позвать его на улицу. Только по воскресеньям её и можно было там застать. С Пупком мы не то чтобы дружили, но иногда играли вместе. Правда, ему всегда было скучно с нами, сверстниками, Пупка вязко тянуло в другую жизнь... Так вот, когда я приходил к Пупку, а его мама оказывалась дома, то на ней всегда был один и тот же чёрный стёганный халат, сальный и мешковатый, с вытянутыми нитками на шалевом воротнике. Лицо у Пупковой мамы было серым и морщинистым и пахло от неё резко и неприятно. Перегаром. Тихо сказал: «Пашенька, к тебе пришли», Пупынина устало брела внутрь пропахшей жареной рыбой квартиры. Пашка рассказывал, что когда-то его мама была известной врачихой, работала на горбольнице, и больные её очень уважали. Потом она стала выпивать, и ей пришлось уйти в поликлинику. Потом она несколько раз меняла место работы, а когда отца посадили за драку (во всяком случае, так рассказывал

Пашка), мама запила по-чёрному. Её выгнали с работы из поликлиники, и она смогла устроиться только в ветлечебницу фельдшером...

– А вы что же, Полина Андреевна, предлагаете эту ситуацию, этот... вопиющий инцидент, оставить без последствий? – зло отреагировала Надежда Николаевна и сузила глаза.

– Ну почему же? – возразила Пупынина. – Без последствий этого, конечно, оставлять нельзя. Только давайте посмотрим на сложившуюся ситуацию трезво, товарищи. И немного с другой стороны.

– А вы сами-то можете посмотреть трезво? – усмехнулась Анжела Юрьевна, не уточняя, на что именно надо посмотреть и намекая на нетрезвый образ жизни Пупыниной.

Мать Пупка пропустила выпад классной мимо ушей.

– Я, например, – спокойно продолжила она, – не одобряю действий Елены Аркадьевны и всего педагогического коллектива нашей школы. Считаю, что с детьми обошлись грубо и несправедливо. И я предлагаю пригласить в школу не инспектора из милиции, а социологов и эстетов, пусть они выскажут своё отношение к этому... вопиющему инциденту.

– Социологов? Эстетов? Вам бы, Полина Андреевна, лучше вообще помолчать об эстетике, – попыталась заткнуть рот матери Пупка Надежда Николаевна.

– Это почему? – удивилась Пупынина.

– Потому, что вашего Павла давно уже пора определять в колонию. И я не удивлюсь, если выяснится, что это именно он взял авторучку.

И понеслось... Тема собрания была скомкана, собрание превратилось в перебранку, похожую на дворовый скандал. Точнее, даже не в перебранку, а в избиение врага. С одной стороны были абсолютно все, подавляющее большинство, как говорится. С другой стороны была Пупынина и её сын, хулиган и двоечник. Выслушивая шквал обвинений в адрес сына и в свой собственный, Полина Андреевна попыталась вставить хоть одно слово, но, поняв, что это бесполезно и бессмысленно, сплюнула, впрочем, без слюны, взяла Пашку за руку и они ушли.

На следующий день Пупок в школу не пришёл. Мы его больше вообще никогда не видели, а вскоре от соседей Пупыниных узнали, что Полина Андреевна с Пашкой уехали из Полюнограда в деревню. В какую именно деревню, соседи не знали. Да и не собирался никто их разыскивать.

О том, что авторучку украл Пупок, не сомневался никто, но в милицию о краже заявлять Елена Аркадьевна не стала.

Украденную авторучку я вынес только через три дня после собрания.

Принёс домой и сразу понял, что мне нужно срочно от неё избавляться. Пользоваться легально я ей не мог по вполне понятным причинам, а хранить дома, как реликвию, было опасно: а вдруг родители найдут? Кому-нибудь подарить? Жалко и тоже опасно – след преступления.

Я выбросил авторучку в мутную воду заброшенного котлована.

Человек Без Тела почему-то молчал. Может, у него пересохло в горле, хотя откуда у него горло, если у него нет тела? Или список моих грехов подошёл к концу?

– Ты прав, – подал голос Человек Без Тела. – Горла у меня нет. Ты думаешь, что слышишь ушами мой голос?

«А чем? Ноздрями?» – съехидничал я.

– Ты не слышишь его, он в твоём мозгу, – большего Человек Без Тела объяснять мне не стал. – Но вернёмся к делу, – продолжил он. – По поводу горла ты прав, а вот насчёт того, что список твоих грехов кончился – это нет, это просто смешно. Мы с тобой только начали, только побродили чуть-чуть на верхушке айсберга. Пыль, так сказать, притоптали. Основные твои грехи мы ещё не вспоминали.

«Так давай продолжим»

– Не торопись. Туда ты всегда успеешь.

«А сначала говорил, что ждёшь, не дождёшься, когда я сдохну»

– Говорил. Ну и что? Я от своих слов не отказываюсь. Просто... У меня тут... дельце одно появилось. Я отлучусь на время, а ты пока подумай, поройся в своей памяти.

«Темнишь ты что-то»

– Ха!

И Человек Без Тела исчез.

А я проснулся.

2

Потолок моей спальни был исчерчен красными и чёрными полосами.

Полосы на нём появились оттого, что лучи утреннего солнца косо пробивались через современные жалюзи на окнах с чередующимися полупрозрачными красными и непроницаемо чёрными вертикальными пластиковыми ламелями. Правда, эти полосы не были такими яркими, какими казались в моём сне.

В моём сне?

Значит, это был всего лишь сон!..

Я редко видел сны, а когда всё же видел, то никогда не мог вспомнить того, что секунду назад рисовалось в сознании, бодрствующем и скушающем от безделья сознании спящего человека.

Этот сон я помнил до самых мельчайших подробностей.

Я встал и отправился в ванную комнату, надеясь, что мой непонятный и совсем не приятный сон бесследно исчезнет после душа, смоеется вместе с ночным потом. В ванной я взглянул в зеркало, увидел своё отражение, и оно мне сильно не понравилось. Что-то было в глазах...

Что-то не так было в глазах. Я понял, что не так. Во взгляде не было той уверенности в собственных силах и убеждённости в своей правоте, которые сразу же замечали все, с кем мне приходилось контактировать. Если эти люди стояли выше меня на ступеньках иерархической пирамиды, то практически сразу начинали мне верить, и доверять то, что не доверили бы кому-то другому, стоящему рядом со мной, то есть находящемуся на том же самом уровне. Эти люди, я имею в виду тех, кто принимает решения, выделяли меня из массы других бизнесменов. Естественно, предварительно изучив моё досье. А те, что стояли ниже меня на ступенях пирамиды, тоже верили мне, и охотно подчинялись, потому что чувствовали и понимали: Николай Петрович Якушев – это тот, за кого надо держаться, за кем надо идти, авось и нам что-то обломится. И обламывалось. Некоторым очень даже неслабо обламывалось. Кое-кто меня даже любил, кое для кого я был почти богом. Правда (я же не идиот, понимаю), богом я был для них временным, не тем, кому молятся всю жизнь, и их любовь ко мне была не вполне искренней.

В общем-то, я их тоже не особенно любил. И тех, и других. Просто максимально использовал потенциал каждого, при этом не забывая регулярно выплачивать – кому оклады через кассу и премии в конвертах из личного сейфа, а кому бонусы и гонорары в пластиковых или даже кожаных кейсах. Конверты шли вниз, кейсы – вверх. Все были довольны...

Я принял сначала тёплый душ, чтобы немного привыкнуть, потом горячий, а потом резко – холодный. Растираясь жёстким полотенцем (я специально приобрёл такое жёсткое), я снова взглянул в зеркало. Выглядел я намного лучше, чем до того, как залез под душ, уверенность во взгляде вернулась. Я критически осмотрел своё тело, и, в общем-то, остался доволен. Для сорока четырёх я выглядел совсем даже неплохо. Всё-таки занятия спортом в юные годы и тот образ жизни, которому я следовал всю остальную – взрослую – жизнь, играют свою роль.

Я напряг мышцы и втянул и без того впалый живот. Вполне...

Брился я обычно перед сном (тоже нормальная привычка, женщинам нравится), но, потрогав отросшую за ночь щетину, решил побриться ещё раз. Побрившись, смыл остатки пены холодной водой, вытерся, нанёс на лицо крем после бритья, и, приблизившись к зеркалу, массируя лицо, внимательно осмотрел каждую морщинку. Они были. А куда без них? Не мальчик, чай! Я оттянул нижние веки, высунул язык и констатировал, что никаких признаков скрытых заболеваний у меня нет. Правда, я не врач, но розовый язык, румянец на щеках и отсутствие желтизны на белках глаз успокаивали. Мой ночной посетитель сегодняшнего сна предсказывал мне скорую смерть. Бред! Лет тридцать я ещё проживу. Как минимум! А может

быть, и больше. В моей семье все члены по мужской линии были долгожителями. Дед в девяносто семь ушёл. Прадед (дед рассказывал) только на восьмом десятке в пятый раз женился, а помер, когда ему за сотню перевалило. Отцу моему уже семьдесят шесть, а на него ещё девушки заглядываются.

Отец, Пётр Иванович, мужик импозантный – борода и голова не седые, с проседью. Глаза чёрные, как угли, за семьдесят шесть лет ни грамма не выцвели. У меня глаза светло-карие, а у него чёрные. Трубку курит. У него их целая коллекция. Бегаёт трусцой по утрам, на рыбалку на водохранилище ходит, сам машину водит. Правда, автомобилем редко пользуется, всё больше ножками. Белая десятка, которую я подарил ему шесть лет назад на семидесятилетие взамен старого «Москвича», стоит в гараже, как новенькая.

– А куда мне на ней ездить-то? – говорит отец. – До водохранилища двадцать минут ходу, на рыбалку я и пешком схожу. Магазины тоже все рядом, да и ты молодец – не забываешь старика, продукты подбрасываешь... Была бы Альбина жива, мы бы съездили с ней куда-нибудь. За грибами хоть.

Альбина – это мама. Она умерла четыре года назад, в эту пятницу годовщина, отец вчера звонил, напоминал. Ей тогда только-только семьдесят исполнилось. Сердце прихватило, до телефона мама добраться не смогла. Отец на рыбалке был, а я в Питере с финнами контракт подписывал. Некому было неотложку вызвать. Отец винил себя за то, что его в ту минуту рядом с мамой не оказалось. А я себя. Хотя, если бы я и не поехал тогда в Питер, разве бы изменилось что? Жили мы уже тогда не вместе, да и случился приступ в двенадцать дня. Я в это время либо в офисе, либо в цехах нахожусь. Всё равно я не смог бы ничего сделать. Разве что случай помог бы...

– Один по грибы съезди, – предлагал я.

– А зачем они мне? Ты же знаешь, у меня от грибов...

Я знал. Кстати, у меня та же особенность – как грибы поем, так со стулом проблемы. Странно: всегда эти грибы ел, а как сорок стукнуло, так у меня те же симптомы, что у отца, проявились.

На стене моей кухни висит календарь. Отрывной. Такой, какие раньше имелись на каждой кухне. Сейчас их почему-то перестали делать, во всяком случае, я их давно в продаже не видал. А может, их по-прежнему продолжают делать, просто я по магазинам ходить перестал? Этот календарь мне подарила Вика на новый 2004 год. Его изготовили по её индивидуальному заказу в типографии газеты «Полыноградский вестник», и она за него заплатила наверняка немалую сумму. Впрочем, что бы она считала мои деньги? Зато наполнением этого календаря можно было гордиться. В нём не было кулинарных рецептов и полезных советов, как в обычных отрывных календарях, вместо этого обратные странички были заполнены моими изречениями, которые Вика запомнила или записала куда-нибудь. Наверное, дневник вела, а потом решила использовать свои записи для издания этого календаря. Ещё там были описания того, как в тот или иной день мы славно проводили с ней время, с кем встречались, что заказывали на ужин. Все выходные дни были не красными, как в обычных календарях, а синими и зелёными. Суббота – синие цифры, воскресенье – зелёные. Красными были особо памятные даты, дни, которые следовало помнить. Те, о которых надо было помнить, по мнению Вики.

На страничке стояла дата – двадцать девятое февраля 2004 года. Цифры были зелёные, а это означало, что вчера было воскресенье.

Я потянулся к календарю рукой, но вдруг моя рука замерла в сантиметре от листочка. Я знал, что, оторвав листочек с датой двадцать девятое февраля, я увижу листочек с датой первое марта. Я знал это, потому что не далее как вчера вечером я переворачивал лист календаря, чтобы подглядеть, не случилось ли год назад или два года назад (мы с Викторией вместе уже два года) кое-чего такого, о чём я должен был помнить? По мнению Вики, разумеется... Кроме того, первое марта – первый день весны, и цветы завтра с меня так и так.

Я прекрасно знал, какую дату увижу, но вдруг подумал: «А если там тридцатое февраля?»
Бред какой-то!

Я решительно оторвал листик, тихо прошуршавший перфорацией.

Первое марта.

А кто бы сомневался!

– Человек Без Тела! – громко произнёс я. – Ты – плод моего воображения. Ты – мой ночной кошмар.

И подумал вдруг:

«А почему это я решил, что умру от болезни или от старости?..»

Но дальше развивать свою мысль не стал.

Оторванный лист я скомкал и выбросил в мусорное ведро, хотя Вика просила меня не выбрасывать оторванные листы. Она хотела изготовить какой-то коллаж к моему дню рождения, к сорокапятилетию, и для этой её задумки они ей были нужны. Перебьётся. Не уверен, что наши с Викой отношения не закончатся до моего дня рождения.

Признаюсь, Вика мне уже изрядно поднадоела. Она вела себя как потенциальная невеста, а ведь я ей предложения не делал. И в мыслях не было, даже в первые сумасшедшие дни. И вообще, спустя два года после нашего знакомства, я стал замечать в Викином характере черты, которых раньше либо не было, либо она их тщательно скрывала, либо я, ослеплённый страстью, сам их не замечал.

Мне не нравилось её отношение к деньгам вообще, и к моим деньгам в частности. Вика не просто любила тратить деньги, это бы ничего – многие девицы, находящиеся на содержании у обеспеченных и успешных мужиков страдают этой болезнью. Да что там многие? Все. Вика хотела иметь собственные деньги для того, чтобы пользоваться ими бесконтрольно. Для чего ей большие деньги, и как она ими желает пользоваться, я не знал точно, но догадывался. Вика о своих планах не рассказывала. Или рассказывала, но я видел, что она мне врёт, небылицы всякие сочиняет. А иногда говорила просто: хочу, и всё! Хотеть не вредно, а деньги она могла заработать единственным способом. Точнее, несколькими, или ещё точнее, многими, но все они относились к сфере сексуальной. Такими способами больших денег не заработать.

Вика часто спрашивала меня:

– А этот контракт, с которым ты носишься, как с писаной торбой, он на сколько тянет? Больше миллиона? А какой процент чистой прибыли?

Или:

– Интересно: сколько зарабатывают твои менеджеры?

Или:

– Если твои менеджеры зарабатывают так много, сколько же получает твой главный бухгалтер?

Или:

– Дорогой, а у тебя деньги лежат только в российских банках, или в зарубежных тоже?

Или самый откровенный вопрос:

– Милый, а если продать весь твой бизнес, сколько за него можно получить бабок?

Мысль о финансовой независимости в её красивую, но не очень умную белокурую головку стала приходить всё чаще и чаще.

– Колюня! Купи мне какой-нибудь салон или ресторанчик, – канючила Вика. – Или хотя бы кафе, а, Колюня?.. Я устала сидеть дома без дела и ждать тебя целыми днями. А так я буду при деле, и денежку к тому же буду зарабатывать.

– Тебе мало тех денег, что я тебе даю? Извини, но давать больше у меня нет возможности.

У меня была возможность тратить на удовольствия более крупные суммы, но я с молодых лет привык планировать свои расходы, и не платить за вещь или услугу больше, чем она того стоит. Я не жадный. Просто убеждён, что деньги счёт любят...

Завтрак мой, как обычно, состоял из стакана свежавыжатого сока, маленькой чашечки кофе со сливками и йогурта. Второй завтрак будет через два часа, и съем я его в комнате отдыха, находящейся за стенкой моего кабинета, после того, как проведу короткое совещание и получу информацию от всех руководителей отделов и служб, и от начальника производства.

Я ещё не успел допить кофе, как зазвонил телефон.

– Я приехал.

– Жди. Буду через пять минут.

– Хорошо.

Это звонил мой водитель, Саша Пономарь.

Саша работал у меня уже более двух лет. Мне нравилась его исполнительность, а особенно то, что ни разу за эти два с лишним года он не сказал мне: «Извините, шеф, машина неисправна». Автомобиль всегда был технически исправен, вымыт, отполирован и блестел, как новенький, словно только что из автосалона. Но более всего мне нравилась Сашина немногословность. Когда я спрашивал его о чём-то, он отвечал чётко, без ненужных подробностей и строго по существу. Такого ответа, как «не знаю», я ни разу от него не слышал. Когда я давал ему какое-нибудь задание, он отвечал коротко: «Хорошо», редко задавая мне уточняющие вопросы. И я знал, что моё указание будет исполнено действительно хорошо, и в тот срок, который был установлен. Если я его ни о чём не спрашивал и не давал никаких заданий, он молчал, не надоедал разговорами во время поездки, как делают большинство водителей-телохранителей.

Кстати, Сашу на работу принимали как водителя-телохранителя. Опыта телохранителя у Саши не было, но в его досье, составленном серым Готлибом, значилось, что срочную Саша служил в ВДВ, принимал участие в боевых операциях в Чечне, и даже имеет медаль за боевые заслуги. Кроме того, у Саши второй дан по каратэ, и в свободное время он посещает спортзал, продолжая повышать мастерство. Спортивный парень. И неспорченный, меня такой устраивал. Своё знание боевых искусств Саше пока продемонстрировать не пришлось, так как я уже давно обошёл всех конкурентов, никому по-крупному не мешал, а с местной братвой у меня установлены прочные деловые отношения. Я им платил исправно и щедро, а бандиты не только не мешали мне, напротив – помогали.

Наши направления деятельности – мои и бандитов – не пересекаются. Я не лезу ни к оружию, ни к наркоте, ни к игорному бизнесу. Я не занимаюсь спиртным и автомобилями, близко не подхожу к поставкам на отечественный и зарубежный рынок живого товара.

Чем я занимаюсь?

Покупаю идеи.

Технические идеи.

Я покупаю их, делаю опытные образцы новой продукции, провожу рекламную компанию, и, сформировав стартовый портфель заказов, запускаю в производство. А потом продаю. Недёшево. Рентабельность до ста процентов дотягивает. Правда, бывают и проколы, но... бизнес есть бизнес.

Я уже был готов выйти из двери своего кондоминиума, но вспомнил о том, что на сегодня у меня запланирована встреча с местным Кулибиным, бывшим доцентом кафедры гидравлики гидротехнического факультета нашего Полыноградского инженерно-строительного института (сокращённо – ПИСИ), а ныне, пенсионером, и, по совместительству – гениальным изобретателем Алексеем Константиновичем Мурашкиным (сокращённо – АКМ). Папку с описанием работы и принципиальной схемой его очередного перпетуум-мобиле я в пятницу прихватил

домой, чтобы без спешки на выходных всё просмотреть. Как выяснилось, его изобретение базировалось на использовании энергии кавитации, и было бы гениальным, если бы не было известно ещё в середине прошлого столетия. Правда, подход у АКМа к этому вопросу был несколько иной, но я прикинул в уме все «за» и «против» и решил с запуском в производство этого агрегата с коэффициентом полезного действия больше единицы не торопиться. Что-то меня смущало. Более полувека техническое решение существует, а в промышленном масштабе каких-либо значительных шагов в этом направлении нет. Не знаю, может быть, сегодня АКМ убедит меня в чём-то? Посмотрим.

Папку я изучал лёжа на диване в гостиной, но её на журнальном столике не оказалось. Я вспомнил, что, когда ко мне заявила Вика, я поленился отнести папку в кабинет, и просто сунул в ящик секретера.

Выдвинув ящик, я взял папку. Под ней лежал альбом с фотографиями. Старый альбом с фотографиями из детства. Его некогда малиновая обложка выцвела от времени и стала сиренево-серой. Почему-то альбом лежал сверху, а не на самом дне, как обычно, наверное, Вика рылась, подбирая материалы для своего будущего коллажа. Сунув папку Мурашкина под мышку, я взял альбом в руки, раскрыл его и увидел... Пупка. Почему-то именно его, хотя на фотографии Пупок был не один, там был весь наш четвёртый «А» класс. По центру сидела Елена Аркадьевна. Она не была нашим классным руководителем, просто Анжела Юрьевна в тот день заболела, и математичка снялась с нами. Пупок грустно и как-то трагически глядел в объектив фотоаппарата, а мне казалось, что смотрит он на меня. Как живой.

Почему это – как живой? Почему – как?..

Странно я подумал о Пупке, неправильно как-то подумал, словно Пупка уже нет в живых.

Ну да, так говорят, если имеют в виду фотографическое изображение. Но ведь это неправильно. Так нельзя. Я совершенно ничего не знаю о том, жив Пупок или нет. А на фотографии Пупок жив, и смотрит на меня не как живой, а потому что живой.

Прежде чем закрыть альбом и убрать его в ящик, я ещё раз посмотрел на сидящую по центру Елену Аркадьевну и вздрогнул. В правой руке Елена Аркадьевна держала авторучку. Фотография, конечно же, была чёрно-белой и авторучка в руке у математички была серого цвета, но я знал – это та самая авторучка, которую я украл, и, убедившись в бессмысленности своей акции, забросил авторучку в котлован, затопленный мутно-жёлтой водой.

Саша ждал меня, стоя рядом со сверкающим и отливающим перламутром «Мерседесом». Он не бросился открывать мне дверь автомобиля, как это делали все водители-телохранители, задняя дверца уже была открыта. Я кивнул Саше и забрался на заднее сидение. Дверь захлопнул сам.

– В офис.

Саша аккуратно тронулся, а я закурил первую сигарету. Я всегда выкуривал первую сигарету по пути следования на работу. Зазвонил мобильник. «Вика», прочитал я на дисплее.

– Колюня?

Вот дура, подумал я, звонит на мобильный и спрашивает!

– Доброе утро, радость моя! – сказал я. – Поздравляю тебя с первым днём весны. Ты так рано проснулась, ещё десяти нет. Впрочем, раннее пробуждение это не самое худшее, что может приключиться с человеком. Кто рано встаёт, тому бог даёт.

– Я рано легла спать, – с явной обидой в голосе сказала Вика. – Что ещё делать девушке вечерами, если возлюбленный выгоняет её из дома?

– Кто посмел выгнать тебя из дома? – ужаснулся я. – И откуда ты тогда звонишь? С улицы?

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, – дёрнулась Вика, уловив иронию в моём голосе. – Ты выгнал меня из *своего* дома. Слава богу, что пока только из *своего*. Хотя... та квартира, в которой я живу, тоже принадлежит тебе.

– Вика, мы с тобой уже давно обсудили этот вопрос. Воскресенье – день, за которым следует понедельник. А в понедельник...

– Скажи! Ну скажи мне, что ты должен выспаться перед началом рабочей недели. Скажи, что ты должен быть в отличной физической форме. Напомни мне, что на работе ты зарабатываешь деньги, на которые меня содержишь. Ну!..

– Ты сама уже всё сказала. И не нукай!

– Хорошо, Колюня, – примирительно пропела Вика. – Не будем ссориться с самого утра. Тем более в такой день.

Я и не собирался с тобой ссориться, хотел сказать я, но промолчал.

– А куда мы сегодня пойдём? – спросила Вика, имея в виду ресторан. Я не стал язвить, предлагая ей театр или картинную галерею.

– Куда скажешь, счастье моё!

– Как я люблю, когда ты такой... такой...

– Сговорчивый? – предположил я.

– Ласковый, – поправила меня Вика. – Целую. И жду твоего звонка.

– Целую.

– А! А! Эй, Колюня, стой, не отключайся, – закричала вдруг Вика, что-то вспомнив, наверняка что-то очень важное. Будто нельзя перезвонить!..

– Что? – Я чуть было не спросил: «Ну, что тебе ещё надо?»

– Чуть не забыла! У меня нет ни копейки. И косметика вся закончилась. И сегодня у меня очередь к парикмахеру.

– Ужас какой!

– Да ужас, – согласилась Вика.

– Я пришлю деньги с Сашей, не переживай. Я же не могу допустить, чтобы в ресторан ты явилась ненакрашенной и непричёсанной.

– Я тебя обожаю, Колюня!

– А я-то!.. Целую. Пока.

Я захлопнул крышку телефона и посмотрел в зеркало заднего вида, ожидая встретиться с Сашиним взглядом, но он смотрел на дорогу. Казалось, он не слышал нашего с Викой разговора. Я открыл портмоне, вытащил две купюры – тысячу рублей и сотню баксов. Подумал и достал ещё одну зелёную сотню: приличная косметика и услуги парикмахера нынче стоят недёшево. Протянул деньги Саше.

– Довезёшь меня до офиса, – сказал я ему, – заскочи в цветочный магазин, купи букет. Букет и двести долларов отдашь Вике.

– Хорошо, – как всегда коротко ответил Саша.

О том, какие именно цветы надо купить, он не спросил, знал, что Вика любит бордовые голландские розы.

До совещания оставалось две минуты, когда я подошёл к двери своего кабинета. Марго, моя секретарша, встретила меня лучезарной улыбкой.

– Доброе утро, Николай Петрович. По вам часы сверять можно.

– Здравствуй, Марго, – я пропустил мимо ушей комплимент. – Зови всех. Готлиба тоже.

– А он уже заходил, говорил, что хочет сообщить вам кое-что.

– Вот как? У нас неприятности?

– Вчера было проникновение, – понизив голос, сказала Марго, но, взглянув через моё плечо на открытую дверь, умолкла.

– Маргуша, это моя прерогатива сообщать шефу о неприятностях.

Я обернулся, в двери стоял серый Готлиб.

Он всегда одевался неброско: серый в тонкую полоску костюм, светло-серая рубашка и тёмно-серый галстук. Только туфли на нём были чёрные. И пальто и автомобиль у Готлиба тоже были серые, правда, сейчас пальто на нём не было, да и автомобиль стоял на парковке. В этой серости не усматривалось отсутствие вкуса и недостатка денежных средств, наоборот, все вещи, которые он носил, были дорогие, костюм Хуго Босс, рубашка Сен Ив Лоран, галстук стоил долларов триста, не меньше. Пальто тоже не работницы фабрики «Соревнование» шили, а машина у Готлиба – БМВ.

Марго Готлиба побаивалась. Его все побаивались. Если бы мы с Готлибом не были так давно и близко знакомы, думаю, и я бы его боялся. А если бы он был моим врагом... Не хотел бы я, чтобы Готлиб был моим врагом.

Готлиб приблизился, и мы пожали друг другу руки. Кивком предложив ему идти за мной, я вошёл в кабинет. Марго слегка перестаралась, проветривая кабинет, было довольно свежо.

– Рассказывай, – бросил я, снимая пальто и вешая его на плечики в шкаф. – Что за проникновение? Что украли?

– Да ерунда, – отозвался Готлиб, усаживаясь за стол. – Мальчишки баловались. Прорезали автогеном дыру в складе брака. Склад, как ты знаешь, находится в северном углу периметра. За ним пустырь. Дыру прорезали и в склад забрались. Через ворота склада на территорию промплощадки выйти не смогли – там собаки бегают. Залаяли наши пёсики, мальчишки испугались и успех развивать не стали. А на складе сам знаешь – брать нечего. То, что там лежит, даже взрослым не нужно, а пацанам и вовсе. Цветной металл отдельно хранится, на складе брака – только изделия из чёрного. Если на металлолом, так теперь школьников не заставляют металлолом собирать.

– Мальчишки? – не поверил я. – Автогеном?

– А что ты хотел? Двадцать первый век, не лобзиком же дыру в стенке железного склада выпиливать.

– Ну да, – согласился я. – И всё-таки, почему ты решил, что это мальчишки? Может, это бомжи были?

– А я их уже разыскал, – ответил Готлиб. – Как говорится, по горячим следам. Пацаны. Старшему четырнадцать лет, ещё двоим по двенадцать. Ну, постыдил родителей, предложил обратить внимание на то, куда направляют избыточную энергию их чада. Дыру уже залатали.

– Это хорошо, – похвалил я начальника службы безопасности. – Но надо бы что-то придумать, чтобы прецедент не превратился в систему. За детьми могут и взрослые последовать. Собак отравить можно...

– Наши пёсики ничего брать от чужих не будут. Но я уже потолковал с начальником промплощадки. Склад организуем в другом месте, а старый снесём и забор нормальный поставим. С колючкой и видеоконтролем.

– Правильно. Смету пусть завтра же мне на утверждение плановики подготовят.

– Николай, я вообще-то не об этом проникновении поговорить хотел, – Готлиб склонил голову набок и испытующе глянул на меня.

– Что-то более серьёзное?

– Как посмотреть... В Климе проблемы. На объекте «Водопад» вышли из строя два блока – блок электрокоагуляции и блок осветления.

Интересно. Я задумался. Два основных блока установки для комплексной очистки воды одновременно вышли из строя!

В Климе отвратительная вода. Содержание кремния, железа и марганца превышает ПДК в двадцать с лишним раз. Традиционные способы очистки там не катят. Местный «Водоканал» уже куда только не обращался, даже в Российскую Академию Наук – всё без толку. Учёные

сидят без денег, и много их там таких безденежных, а потому цену загибают запредельную. И это только за разработку темы, а что получится в итоге – непонятно, гарантий ноль. На это мероприятие с неясными перспективами «Водоканал» пойти не мог, да и денег таких у него не было. Я когда узнал об их мытарствах, сразу дал задание Мурашкину, и он решил проблему очистки Климской воды быстро и оригинально. Правда, некая организация со странным названием: «КРЭК», что в расшифровке звучит не так уж странно – «Климская региональная экологическая корпорация», тоже кое-что изобрела. И не только она. Москвичи тоже подсутились, но то, что у них получилось на выходе, и у экологической корпорации, и у москвичей, дороже нашего «Водопада» раза в полтора. И менее эффективно к тому же. Например, содержание в воде марганца после очистки всё равно лежит в пределах, превышающих ПДК.

– А почему ты этим вдруг заинтересовался? – спросил я Готлиба, хотя уже предполагал в общих чертах его ответ. – Технические проблемы, мне кажется, не входят в круг твоих обязанностей.

– Эх, Николай, – вздохнул Готлиб. – В круг моих обязанностей много чего не входит, однако я должен быть в курсе всех дел, чтобы ты мог не беспокоиться о своей безопасности и спал спокойно.

– Ты предполагаешь диверсию?

– Заметь, оба блока вышли неожиданно и одновременно. Вполне возможно, что это недоработка конструкторов. Или брак монтажников или оплошность эксплуатационников... Но у меня имеется ещё кое-какая информация.

– Слушаю. – Я сосредоточился, зная, что понапрасну Готлиб панику поднимать не станет.

Выслушать Готлиба мне не удалось, так как в дверь постучалась Марго, и, просунув голову в щель, сказала:

– Все собрались. Приглашать?

– Зови, – сказал я и попросил Готлиба: – Останься. Я проведу совещание, и мы с тобой договорим.

Совещание прошло как обычно – быстро и по-деловому. В принципе я знал почти обо всём, что произошло за неделю, потому что бывал на работе ежедневно, несмотря на то, что все подразделения моей фирмы работали как хорошо отлаженный механизм. В течение недели я встречался со всеми руководителями отделов и служб, бывал в цехах, выслушивал жалобы и предложения рабочих, вникал в каждую мелочь.

Выслушав краткие доклады руководителей подразделений и дав им кое-какие указания, я перешёл к основному вопросу – аварии в Климе. Начальник группы выездных работ, Судниченко Павел Семёнович, клялся, что монтаж «Водопада» выполнен его экстраспецами качественно и строго в соответствии с чертежами и рекомендациями конструкторов. Начальник КБ Прохоров Сергей Леонардович уверял меня, что проект отличный и что он проверен на сто рядов. Ссылаясь на патент и сертификат.

– И, тем не менее, – сказал я, – произошло то, что произошло. Два основных блока установки вышли из строя. Надо срочно выезжать на место и решать проблему. Клиент без очищенной воды оставаться не должен, да и нам своё реноме терять негоже. Если установим, что авария произошла по вине эксплуатационников, будем устранять за их счёт. Если по нашей – не обессудьте, мужики, за ваш. Бизнес есть бизнес.

– Сервисная бригада будет готова через неделю, – уныло сообщил Павел Семёнович.

– Почему так долго? – удивился я.

– Те парни, что занимались монтажом «Водопада» в Климу, заняты на другом объекте. Закончат через неделю.

– Замените монтажников. Мне что, учить вас, Павел Семёнович? Бригада должна быть готова через два дня. А завтра я выеду в Климу сам. С Сергеем Леонардовичем и автором идеи,

Алексеем Константиновичем Мурашкиным. В среду мы во всём разберёмся, и в среду же твои архаровцы, Павел Семёнович, должны выехать на место.

– Понятно, – нехотя согласился Судниченко.

– Тогда все свободны, – закончил я совещание и голосом отставного Президента Советского Союза добавил: – Работайте, товарищи, и всё у вас будет!

– Я закурю? – спросил разрешения Готлиб, когда все вышли.

– Кури, – кивнул я, и сам полез за сигаретами. – Ну, выкладывай, что за информация?

Готлиб, прошелестев молнией, раскрыл папку, которая всё совещание пролежала перед ним на столе, и протянул мне лист бумаги с текстом.

– Что это? – спросил я, прочитав заголовок: «Недобропорядочные инвесторы»

– Из Интернета скачал. Статья о нас. Пишут, что мы муниципальным предприятиям российских городов и весей несертифицированную продукцию поставляем, которая потом ломается и выходит из строя.

– Так врут же. Мы теперь без сертификации ничего не изготавливаем и не поставляем. Прошли те времена, когда можно было всякую туфту гнать.

– Врут, – согласился Готлиб. – Да ещё как! Ставят под сомнение пользу от внедрения наших разработок. Пишут, что наши «Водопады» сплошная бутафория, а за положительные результаты экспертизы очищенной воды мы заплатили местному отделению СЭС. Даже сумму назвали – три тысячи евро.

Я покачал головой. Сумма такая, совершенно верно, но это не взятка. Обычный гонорар. Правда, неофициальный...

– Выяснил, чей заказ?

– Выясняю. Информация будет сегодня. Возможно, часам к двум.

– Это же ещё не всё?

– Не всё. Как ты думаешь, почему затягивается подписание контрактов на поставку и монтаж «Водопадов» с другими потребителями?

– Не думаю, а знаю, – опрометчиво ответил я. – Причины разные, но в основном из-за длительного согласования вопросов финансирования. Как обычно.

– Не во всём ты прав, Николай Петрович. Я выяснял причины проволочек, и нос к носу столкнулся с нашими конкурентами. Некоторые твои потенциальные потребители уже заключили контракты, но не с тобой.

– Москвичи? – спросил я, хотя предполагал иное.

– Нет. Для них Клим и область – это слишком мелко. Москвичи двинули на север. Тюмень, Сургут. Там денег немеряно, и там они уже давно хозяева. А вода в тех краях гораздо хуже, чем в Климу.

– Экологическая корпорация?

– Они, – кивнул Готлиб. – Я разобрался, кто есть кто. Хозяин этой конторы – Климский авторитет Сергей Суроегин по кличке Чиз.

– Чи-из? – весело переспросил я.

– Суроегина в детстве называли Сыром, – пояснил Готлиб. – Ну, видимо – Суроегин – Сыроегин – Сыр. Когда Сыр оперился и стал утверждаться в криминальных кругах, решил, что Сыр... не престижно, что ли. Перекрестил себя в Чиза. Чиз со своими ребятами – те ещё беспредельщики. Они на всё способны, чтобы не допустить наших поставок Климскому «Водоканалу» и всем его отделениям по области.

– Та-а-ак, – я откинулся на спинку кресла.

– Я с тобой сегодня в Клим поеду, – безапелляционно заявил Готлиб. – Нужно с местными эфэсэшниками пообщаться. И с братвой климской перетереть кое-что, есть у меня там один человек.

– Сегодня? Почему сегодня? Я планировал завтра с утра поехать.

– На машине? Нет, на машине я ехать тебе запрещаю. Весна, гололёд. Опасно, дорога не близкая, а трасса... ты сам знаешь. Поезд на Клим сегодня в двадцать три десять. Возьмём два купе. Ты, я – в СВ. Судниченко, Прохоров, АКМ и Саша Пономарь в обычном. Нормально. Утром завтра в Климу будем.

– Шесть человек? Не слишком ли представительная делегация для такого клиента? Водоканалыцы загордятся.

– Не слишком. На «Водопаде» будут работать Прохоров, Судниченко и Мурашкин. Ты будешь решать вопросы с руководством «Водоканала». Если возникнет такая необходимость. Саша – твой телохранитель, по штату положено. А у меня свои дела в Климу.

Я почесал макушку, спорить с Готлибом было бесполезно.

От двери послышался приглушённый шум голосов.

– Николай Петрович занят. У него совещание. Как освободится, я вас приглашу, Алексей Константинович.

– Мне назначено на одиннадцать! – возмутился АКМ. – На одиннадцать, повторяю! А не на одиннадцать с чем-то! Я уже не в том возрасте, чтобы в приёмной штаны просиживать! И я привык бережно относиться к своему времени. Я – человек творческий!

Я взглянул на часы – было ровно одиннадцать часов. Нажал кнопку вызова секретаря. Марго открыла дверь и буквально пулей влетела в кабинет, подтолкнутая объёмным животом изобретателя вечных двигателей.

– Безобразие! – возмутилась Марго, едва удержавшись на ногах. – Солидный человек, а ведёте себя... как хулиган какой-то!

Я улыбнулся.

– Марго, принеси нам с Алексеем Константиновичем завтрак и большой кофейник с кофе. Вы будете завтракать, Алексей Константинович?

– Не откажусь, – с достоинством произнёс Мурашкин. – Я так торопился на встречу с вами, уважаемый Николай Петрович, что почти ничего не съел. Только чаю бокал выпил, да парочку бутербродов с колбаской на ходу заглотил... Не откажусь от вашего угощения.

– А вы, Отто Генрихович? – я повернулся к Готлибу.

– Спасибо, нет. Много дел. – Начальник службы безопасности выразительно взглянул на часы.

Я сделал ему жест задержаться ещё на минуту и провёл изобретателя в свою комнату отдыха. Впрочем, Алексей Константинович и без меня знал, в какой стене открывается дверь, замаскированная под дверцу встроенного шкафа. Когда Мурашкин исчез в стене, а Марго ушла за завтраком, я вернулся к Готлибу.

– Хорошо. Пусть Марго закажет билеты на сегодняшний поезд и сообщит Судниченко с Прохоровым о сегодняшнем выезде. С АКМом я сам решу вопрос... Слушай, Отто... – я слегка замялся. – Ты не мог бы для меня добыть кое-какую информацию. Это касается одного человека. Мы учились с ним в одной школе. Давно, как ты понимаешь.

– Как срочно это надо сделать?

– Не очень срочно, но...

– Хорошо, я поручу это детективу Миронову. Это по его части. Фамилия? Имя? Отчество? Год рождения? Хотя бы примерно. – Готлиб достал свою электронную записную книжку и приготовился вносить данные.

– Мы с ним одноклассники. Учились в одном классе. Фамилия Пупынин, звать Павлом, отчества не знаю.

– Решил возобновить знакомство?

– Да нет. Просто хочу знать, жив он или нет.

– И всё?

– Всё... Хотя, нет. Пусть твой детектив то же самое узнает о преподавателе математики. Елена Аркадьевна. Фамилия не то Мальцева, не то Малышева, точно уже не помню. Семнадцатая средняя школа города Полюнограда. Она там точно работала с тысяча девятьсот шестьдесят шестого по семьдесят шестой. После семьдесят шестого не знаю, а Пашка ещё раньше из школы ушёл, они куда-то переехали.

– Разберёмся, – пообещал Готлиб, и вышел.

Я вернулся к изобретателю. Он уже включил телевизор и смотрел местные новости.

– Никому нет дела, – сообщил он мне.

– Вы о чём, Алексей Константинович?

– Сосульки никто не отламывает, не оббивает, – показал АКМ на телевизор. – «Той-оту» какую-то покалечило. Напрочь! «Тойота», бог с ней! А человека убьёт? И убивает ведь! Каждую весну смертельные случаи. И никому нет дела. Я придумал установку, распыляющую любую наледь за полчаса. Её включать нужно раз в сутки. Лучше ночью, под утро. Включил и никаких сосулук. Всё основано на принципе генерирования...

– Алексей Константинович! О чём вы? – как можно более мягко прервал я его монолог возмущённого изобретателя, потому что хорошо знал его, знал, что если он заведётся, то это надолго. – Кто купит вашу установку? ЖЭУ? Мэрия? МЧС? Нет у них денег на такие дела.

– У них ни на что нет денег! – фыркнул АКМ и замолчал, потому что вошла Марго с подносом, на котором стояли две чашки, кофейник с дымящимся ароматным кофе и огромная тарелка, не тарелка, а блюдо, наполнение которого толстяка крайне заинтересовало.

– Спасибо, Марго, – поблагодарил я секретаршу, и сам стал наливать кофе в чашечки.

– Чем на завтрак питаются бизнесмены? – заинтересованно спросил АКМ и принялся руками ворошить содержимое блюда. – О! Ветчина? Сыр с плесенью. Зелень какая-то. А хлебцы зачем? Они же невкусные. Слава богу, про хлеб не забыла секретутка твоя. А это что в пиалке? Червячки какие-то!

– Это проросшие зёрна пшеницы, – объяснил я. – Их готовят особым способом. Очень вкусно и полезно.

– Я это не ем, – отрицательно покрутил головой АКМ, словно пытался выкрутить её из складок подбородка и могучей шеи.

– Ешьте ветчину и сыр, Алексей Константинович, берите хлеб. А я буду хлебцы, зелень и этих пшеничных червячков.

– Истязаеть ты себя, Николаша, – как установленный факт объявил мне Мурашкин, шлёпая сразу несколько ломтей ветчины на кусок белого пшеничного хлеба. – Плоть свою истязаеть вегетарианством. Так нельзя! Нельзя без мяса.

– Я не вегетарианец, – возразил я. – Мясо я ем, но только на обед.

– А вечером?

– На ужин предпочитаю рыбу. Или морепродукты. С овощами.

– А я вот без мяса не могу, – сообщил мне АКМ. – Мне без мяса не думается. Для того чтобы мозг активно работал, необходим белок.

– А вы знаете, сколько белка содержится... ну, скажем, в зёрнах проросшей пшеницы? Или в сое?

– Барахло это, а не белок, – заявил АКМ, заталкивая остатки бутерброда в рот. – Белок, правильный белок, содержится только в мясе. Соя – эрзац. Проросшая пшеница – испорченный продукт. Её выбрасывать надо, а не в пищу употреблять. Да и вид у твоей пшеницы! Вот посмотри на ветчину. – Мурашкин взял с блюда предпоследний кусок ветчины, и, подняв на уровень глаз, приблизил к окну. Ветчина, пропустив через себя солнечный свет, розово засветилась. – Ты только посмотри, как она светится. Ты обрати внимание на цвет, на этот прекрасный оттенок. А запах? – АКМ нюхнул ароматный ломтик и, зажмурившись, отправил в рот. –

С таким запахом, вкусом и цветом, – говорил он, пережёвывая ветчину, – продукт не может быть бесполезным. И белок в нём самый, что ни есть легкоусваиваемый.

Глядя, как аппетитно он ест, и мне захотелось попробовать кусочек. Я потянулся к единственному, сиротливо лежащему на краю блюда, розовому ломтику, но, украдкой бросив взгляд на жующего изобретателя и заметив в его глазах удивлённое возмущение, отдернул руку и проглотил набежавшую слюну. Толстяк удовлетворённо кивнул и поспешно подобрал с блюда ветчину, на которую я покушался. Расправившись с мясом, АКМ приступил к сыру. Сыр он поглощал с не меньшим аппетитом. Я похрустывал хлебом и думал о том, что нужно позвонить Вике и либо отменить сегодняшний ужин вдвоём, либо пойти в ресторан раньше обычного.

– А ничего сырок, – одобрительно сказал АКМ. – Съедобный, несмотря на плесень.

– Это целебная плесень, – машинально ответил я. – А сыр...

– Да знаю я, – сказал АКМ и расхохотался. – Знаю я эти рокфоры-шмакфоры! – Он похлопал меня по плечу рукой, которой только что брал с блюда ветчину, не подозревая, что хлопает по Пьеру Кардену. И вдруг спросил серьёзно: – Изучил моё гениальное изобретение?

– Не успел, – соврал я, зная, что сейчас обсуждение кавитационной пушки лучше не начинать.

– Времени не было? – обиделся изобретатель.

– Проблемы возникли. На «Водопаде», в Климу, авария. Блок электрокоагуляции и блок освещения вышли из строя.

– Ну и что?

– Ехать надо, разбираться на месте, что там произошло. Хочу, чтобы и вы, Алексей Константинович, мне компанию составили.

– А это ещё зачем? Я не поеду. Что мне там делать? Авторский надзор твоя фирма осуществляет, пусть твои орлы и разбираются. Мне, Николаша, некогда путешествовать, я на пороге нового гениального открытия. Я тут одну штуковину придумал...

– Алексей Константинович, – взмолился я, – давайте вы в другой раз мне расскажете о своём открытии. В Климу дело серьёзное. «Водоканал» может поверить идиотской статье в Интернете и расторгнуть договор с согласованным планом поставок монтажей наших «Водопадов» во всех своих филиалах. А «Водопады» запущены в серию. Изготовление и комплектация идёт полным ходом.

– Это мои проблемы? – искренне удивился АКМ.

– Мои. Конечно, мои. Но я напомню вам, Алексей Константинович, ваш гонорар за проект «Водопад» получен вами не полностью. Я лишь аванс выдал. Если тема накроется, то я вам не смогу заплатить остальное. Я вас не пугаю, Алексей Константинович, ни боже мой! Я понесу убытки и не смогу выполнить взятые на себя обязательства. Просто физически не смогу. И не только перед вами. Перед своими штатными сотрудниками, перед контрагентами. Возможно, вопрос встанет о банкротстве.

Рассказывая АКМу о том, что может произойти вследствие его отказа ехать со мной в Климу и помогать мне разруливать ситуацию, я сильно преувеличивал.

АКМ шумно засопел, решая, как поступить – согласиться поехать со мной в командировку, или остаться дома, творить дальше. Финансовый вопрос был для Алексея Константиновича очень актуален, потому что пенсии изобретателю явно не хватало для жизни, а вместе с ним в двухкомнатной хрущёвке жили ещё двое по сути иждивенцев – жена, которая всю жизнь проработала рядовой лаборанткой, а потому и пенсию получала мизерную, и дочь-инвалид. Я это знал.

Посопев с минуту, Мурашкин вдруг спросил:

– А про какую статью ты говорил?

Я встал, сходил в кабинет и вернулся с распечаткой статьи, переданной мне Готлибом. АКМ долго её читал, шевеля толстыми губами и изредка крикая от возмущения. Прочитав, швырнул статью на пустое блюдо и сказал:

– Что вытворяют, сволочи! Это мой-то «Водопад» барахло? Нет, ты прав, Николаша, ехать надо. Только... – АКМ поскрёб лысину. – Только с деньгами у меня сейчас не густо. Правильнее будет сказать – нет их у меня.

– Двести долларов, – объявил я сумму его гонорара.

– Две-е-ести? – скривился пенсионер-изобретатель.

– Двести чистыми, – поспешно уточнил я. – Дорога в оба конца, проживание в двухместном номере самой лучшей гостиницы города Клима, трёхразовая кормёжка в ресторане – всё за счёт фирмы. Ну, и как я сказал – двести на карман.

– Ну, так-то ещё куда ни шло. Когда выезжаем?

– Сегодня в одиннадцать десять вечера по местному времени. На поезде. Билет на вас уже заказан. Номер в гостинице забронирован.

АКМ посмотрел на меня оценивающе.

– Далеко пойдёшь, Николаша, – покачал он круглой лобастой коротко стриженной головой. – Высоко поднимешься.

– Да нет. Вряд ли. Не хочу я слишком высоко подниматься. Больно падать. Уж лучше я здесь, рядышком с вами, дорогой Алексей Константинович. Так век и скоротаем вместе. При взаимовыгодном сотрудничестве.

3

В этом ресторанчике мы с Викой ужинаем чаще всего. Мне он нравится. Нравится лишённой помпезности и показухи строгой лаконичностью обстановки, уютом и тихой ненавязчивой живой музыкой. Иногда здесь поют, но чаще просто играют. Два парня играют на гитарах современные композиции и классическую музыку. Иногда они играют вдвоём, иногда по очереди. Пока один играет, второй отдыхает, сидит за столиком рядом с подиумом и цедит через соломинку фирменный напиток, безалкогольный, естественно. Хорошо играют парни, владеют семиструнками в совершенстве! Ресторанчик так и называется – «Семь струн».

Нравится ли ресторанчик «Семь струн» Вике? Уверен, что нет. Она просто мирится с тем, что здесь нравится бывать мне. Игру на гитаре она называет брэнчаньем, тягомотиной, или, когда сильно раздражена и теряет над собой контроль, то грубо – суходрочкой. Вику больше устраивает грохот басов и громкие, закладывающие уши, не позволяющие разобрать слов собеседника визги, которые в сочетании с бьющими по мозгам басами принято у молодёжи называть клёвой музыкой. Ей больше по душе не умиротворённая тишина, не полусвет и уют, а шумное молодое окружение и хаотическое мигание разноцветных огней. В такой обстановке она чувствует себя вполне комфортно, как рыба в воде. Я не понимаю: как она не устаёт от звуковых и световых бомбардировок?

Мы с Викторией совершенно разные, мы из разных эпох, а потому будущего у нас нет. Нас связывает только мой кошелек и её молодость. Мы пользуемся друг другом. Мы обмениваемся тем, что имеем. Взаимовыгодный обмен. И только! Я это понимаю, а Вика это понимает ещё лучше меня. А потому она пытается выдавить из меня всё, что можно, и как можно скорей.

Промедление смерти подобно!

Я не смог заехать за Викторией, только позвонил ей и назначил время и место встречи, поэтому в «Семь струн» она приехала на такси. Ещё в дверях, когда она вошла в зал в новом красном платье, приковав к себе взгляды всех мужчин, сидящих за столиками, я увидел выражение её лица, и понял, как она раздражена – её голубые глаза, обычно притворно-ласковые, сверкали гневными искорками. Причёска у неё была такой же, как вчера: у парикмахера она, понятное дело, не была, а косметики на ней почти не было. Может, и правда закончилась? Впрочем, мне нравилось, когда на Вике минимум косметики. Наверное, я старомоден...

Вика посмотрела на подиум, где сидел один из гитаристов и тихо наигрывал фугу Баха, презрительно сморщила носик и окинула быстрым взглядом полутёмный зал. Увидев меня, она молниеносно избавилась от гневных искорок, широко и приветливо улыбнулась и направилась в мою сторону.

– Дай мне четыреста рублей заплатить таксисту, – вместо поцелуя сказала она, подойдя к столику.

Я без возражений достал портмоне, вытащил пятисотрублёвую бумажку и протянул Вике.

– Я сейчас.

Вернулась она не одна, за ней плёлся её долбаный братик. Точнее, «уже обдолбанный», то есть принявший дозу. Наверное, пока Вика ходила за деньгами, он оставался в такси в качестве залога. Внешне я оставался спокойным, но Вика сразу поняла, что я недоволен тем, что она притащила с собой Артура. Поэтому сразу перешла к сути вопроса. Я понял, что кошелек убрал зря – скоро он мне понадобится.

– У нас с Артуром к тебе огромная просьба, Коля, – сказала Вика.

– Артуру нужно срочно перезанять и отдать предыдущий долг? – предположил я, и угадал.

– Его убьют, если он не вернёт долг, – сообщила мне Вика трагическую весть. – Это страшные люди...

Понятно, наркоторговцы – люди жёсткие и страшные, если их только можно назвать людьми.

– Я отдам, – хмуро сказал Артур. – Через неделю... Или через две. Максимум.

Я пожал плечами.

Отдашь, подумал я, мои же деньги и отдашь. Когда ты уйдёшь, Вика расскажет мне ещё одну страшную историю. Как же мне это надоело...

– Сколько? – я снова достал портмоне.

– Пятьсот долларов, – слегка прикрыв веками чёрные дыры, ответил Викин брат. – Пятьсот у меня есть. Всего я должен штуку.

Так, подумал я, и быстро подсчитал: стало быть, двести Артуру подарил сегодня его добрая сестрёнка, сэкономив на косметике и парикмахере, а триста он где-то сшиб.

– Держи, – я схитрил и отдал деньги не Артуру, а Вике. – Хочешь – отдай брату, хочешь – не отдавай. Эти пятьсот долларов я даю тебе в счёт марта. – Я увидел, как очаровательное личико моей меркантильной возлюбленной вытянулось, а в глазах появилось то, от чего она недавно успешно избавилась, те же самые гневные искорки. – Двести я сегодня передал тебе с водителем. Ты получила, радость моя?

Вика не ответила, но кивнула и взяла деньги.

– Те пятьсот рублей, которые я дал тебе на такси, можешь не считать, – милостиво разрешил я.

Ежемесячно я давал Вике тысячу долларов, не считая того, что тратил на наши с ней обеды и ужины в ресторанах, и прочие совместные забавы. И не считая оплаты коммунальных услуг за однокомнатную квартиру, где она жила. Небезосновательно полагаю, что часть Викиных карманных денег, возможно, большая их часть, перекачивалась, трансформировавшись в наркотики, в вены её братика. Дороговато мне обходятся эти гешвистеры! Кроме того, я стал спонсором законченного наркомана. Я оплачиваю его медленную смерть.

А может, ускорить путь Артура к могиле?

Интересно, как отреагирует Готлиб, если я попрошу его выполнить для меня такое щекотливое поручение? Наверное, ничего не скажет, только внимательно посмотрит на меня своими серыми, как и весь он, Готлиб, глазами и уйдёт продолжать нести службу по обеспечению моей безопасности. А потом, через час или через день Вика мне позвонит и срывающимся голосом сообщит, что Артурик скончался. Либо на него наедет грузовик, хотя этому дрищлику и «Запорожца» будет достаточно, либо не расплывшаяся на атомы установкой АКМа сосулька упадёт на голову, либо – что самое вероятное – Артурик переборщит с дозой.

Бред!

Никогда я не обращался к Готлибу с подобными просьбами, и не буду. Только один раз я не знал, как убрать с дороги одного наглого типа, и посоветовался с Отто.

– Можно решить вопрос кардинально, а можно просто поговорить, – предложил мне Готлиб два варианта на выбор.

– Я с ним уже разговаривал. Глухо. Все слова – как в вату, – посетовал я и поинтересовался: – А кардинально, это как?

– Нет человека, нет проблемы, – ответил Готлиб известной фразой.

– И ты это сделаешь?

– Он сам это может сделать. Не маленький.

– Нет, кардинально не надо. Мы же с тобой не душегубы.

– Тогда я просто поговорю с твоим конкурентом.

– Я с ним уже неоднократно разговаривал, – повторил я.

– Я не разговаривал. – Отто сделал ударение на слове «Я». – Я умею убеждать собеседников.

Уже на следующий день человек, который мне мешал, свернул свой бизнес и уехал из Польнограда. Как Готлиб достиг подобного результата, я не знал, но после того случая понял: Отто способен на всё. В том числе, и на убийство.

Вика долго смотрела на круглое одутловатое и хитрое лицо Бенджамина Франклина, будто прощалась с ним надолго и хотела сохранить в памяти его черты, потом нехотя отдала доллары Артуру. Тот молча сунул их в карман, и, не попрощавшись, не сказав даже спасибо, как-то боком, словно боялся на кого-нибудь натолкнуться, двинулся к выходу.

– Сегодня у меня было прекрасное настроение, – грустным голосом сообщила мне Вика.

– Почему было?

– Потому, что ты мне его испортил!

– Чем же?

– Своей жадностью.

– Разве я не дал денег? – притворно изумился я. – Мне показалось, что твой брат доволен. Он рассчитается со своими кредиторами, и жизнь его снова будет вне опасности.

– Он не вернёт денег...

– Знаю. Он никогда не возвращает деньги, которые берёт у тебя. Интересно, сколько он из тебя выкачивает? Половину того, что ты получаешь от меня? Всё? Я смотрю, на тебе нет ни одной новой одежды, только та, которую я лично тебе покупал.

– Он хочет завязать с наркотой.

– Он никогда не завяжет, – вздохнул я. – Это сказки, что наркоманы излечиваются. Особенно такие, как твой Артурик. Он слабый и безвольный.

К нашему столику подошёл официант и замер, ожидая заказ.

– Что ты будешь, дорогая? – спросил я у своей подруги.

– Всё равно, – лениво отозвалась она. – Я ничего не хочу.

– И всё-таки?

– Как всегда.

– Принесите нам... даме, как всегда – бифштекс с кровью и картофель фри, овощной салат. А мне... – Я вдруг решил сегодня изменить своему правилу, не есть на ужин мяса, и сказал: – И мне то же самое. Из напитков – двести граммов «Хенесси» и бутылку «Ахашени».

– Я много вина не буду, – подала голос Вика.

– Тогда большой фужер «Ахашени». И минералку без газа.

– Десерт?

Я взглянул на Вику, она отрицательно покачала головой.

– Десерта не надо.

– Чай? Кофе?

– Потом решим.

Официант поклонился и ушёл выполнять заказ. Вика закурила. Я курить на голодный желудок не стал, пододвинул хрустальную пепельницу, стоящую посредине стойки, ближе к Вике.

– Есть одна клиника, – сказала она, стряхнув пепел. – Артур согласен лечиться. Я разговаривала с ним сегодня, и он дал мне слово...

– А дозу он себе вкатил до вашего разговора или после? – спросил я.

Вика не обратила внимания на мою реплику.

– Клиника хорошая, но дорогая. Курс лечения длится полгода и стоит тридцать пять тысяч долларов...

– Ого! – присвистнул я.

– Но они гарантируют полное избавление от наркозависимости. Мы с мамой решили продать нашу двухкомнатную квартиру, где они сейчас с Артуром живут, и купить однокомнатную где-нибудь подальше от центра или вообще в пригороде. На этой операции мы можем

выиграть тысяч пятнадцать. У меня есть кое-какие золотые украшения. Не те, что ты мне покупал, – поспешно добавила она, – другие. Мама подарила мне три колечка и крестик на цепочке. Думаю, тысячу долларов за них дадут...

– А зачем ты мне всё это рассказываешь, дорогая? – спросил я.

– Ну... как зачем? А кому мне это рассказать?

– Кому хочешь, только не мне.

– Значит, мои проблемы тебя не волнуют? – я почувствовал, что сейчас произойдёт очередная ссора. Вика закипала: – Ну да, ведь я для тебя – туловище без головы и души. Тебе ведь только это нужно! – Вика схватила себя за груди и потрясла ими. – Я ведь просто шлюха!

– Ну почему шлюха? – Я попытался разрядить обстановку. – Нам хорошо вместе и поэтому мы вместе. Я отношусь к тебе...

– Как к шлюхе, – отмела Вика мои оправдания. – Ты платишь мне деньги за секс. Ты даже называешь меня шлюхой. Забыл?

Я помнил.

Та ссора была неделю назад. В этом же самом ресторане. Вика весь ужин доставала меня расспросами о моих деньгах, и когда я дошёл до высшей степени раздражения, задала вопрос, от которого я совсем потерял самообладание.

– Милый, – спросила Вика, – А ты не хочешь переехать в Москву? Ты такой крутой бизнесмен, а живёшь в этом тухлом городишке. Я так хочу жить в Москве!

– Мне хорошо здесь, – едва сдерживаясь, чтобы не наорать на неё, ответил я. – Мне комфортно здесь, в этом тухлом городишке, и ни в какую Москву я переезжать не собираюсь. А если и соберусь когда-нибудь, то... Почему ты вдруг решила, что я возьму тебя с собой? В Москве, что ли, шлюх мало? В Москве их больше, чем в нашем тухлом Польшограде. Они туда со всей России съезжаются.

Вика обиделась. Она не хотела со мной разговаривать весь вечер, а после ужина уехала к себе, оставив меня без «сладкого». Прощение мне удалось вымолить только на следующий вечер. Заехав с работы в модный бутик, я купил Вике новое платье. Платье было сильно декольтированным, длинным, ярко-красного цвета, сгущающегося к талии и зрительно её сужая. В нём Вика была похожа на красотку из американских комиксов.

Кстати, и сегодня оно было на ней.

– Забыл? – прошипела Вика. – Напомнить?

– Не надо, я помню. Прости, тогда я сказал пошлость. И, кажется, я уже извинялся за свои слова...

– Ты тогда сказал правду. Да, я шлюха. – Вика уже успокаивалась. – Но Артур мой брат. Мой младший братишка, и я всё сделаю, чтобы ему помочь. Нужно будет – в бордель пойду! – сказала она с вызовом.

Официант как раз принёс нам наш заказ, и, услышав последние Викины слова, с интересом посмотрел на неё. Кроме интереса, во взгляде паренька я увидел плотоядное восхищение прелестями моей дамы. Было ясно, если Вика выполнит своё обещание, этот официант будет первым её клиентом. Если, конечно, успеет прийти раньше других.

Есть расхотелось совершенно. Вика отрезала кусочек от своего бифштекса и лениво жевала, я ковырялся вилкой в салате, соображая, что придумать, чтобы разрядить обстановку.

Ничего не придумал.

Не успел.

Не успел, потому что в зале снова появился Артур. Он подошёл к нам и, глядя куда-то в сторону, сдавленно произнёс:

– Они требуют проценты. За задержку.

– Сколько? – встрепенулась Вика, и перевела тревожный взгляд на меня.

– Сто, – ответил Артур, он по-прежнему не смотрел ни на меня, ни на Вика.

Я достал бумажник и отдал сотню Артуру, хотя видел, что Вика уже протянула руку. Артур взял деньги и ушёл.

Сегодняшний ужин был испорчен окончательно.

Чтоб ты сдох, подумал я, глядя в спину удаляющегося Артурика.

– Спасибо, – Вика поблагодарила меня вместо брата.

Не стоит благодарности, хотел ответить я, но тут в моей голове вдруг что-то щёлкнуло, я выпал из реальности.

Вокруг было темно.

Темно и тихо. И пахло так, как пахнет весной на кладбище – прелой листвой, дымом, ржавым железом и ещё чем-то... смертью, наверное. Я снова не ощущал своего тела, даже не мог определить – сижу я, стою, или лежу?

– Вот и я, – услышал я знакомый голос.

«Человек Без Тела?»

– Собственной персоной!

«Ты уже сделал то, что хотел?»

– А именно?

«Когда мы расстались, ты сказал, что у тебя срочное дело»

– А, это? Не было у меня тогда никаких срочных дел. У меня вообще никогда никаких срочных дел не бывает. Здесь, у порога преисподней, нет срочности. Здесь время течёт неторопливо, его целая вечность. Ты можешь себе представить вечность?

«Не могу»

– Правильно. Её никто представить не может. Пока здесь не окажется и не пробудет здесь лет этак сто. И только потом...

«А зачем ты мне наврал?» – перебил я Человека Без Тела.

– Так мне захотелось.

«Ты дал мне шанс вспомнить обо всех моих грехах?»

– А ты вспомнил?

«Знаешь... как-то времени не было...»

– Понятно. Все вы, подлецы, начинаете вспоминать свои грехи, когда жареным запахнет, когда адский огонь ваши пятки лизать начнёт. Тогда вы начинаете раскаиваться, совершенно непонятно зачем. Ведь тогда уже поздно. Из преисподней нет хода наверх. Попал – всё! С концом, на веки, так сказать, вечные.

«Что сегодня делать будем?»

– О грехах говорить, чего ж ещё? Детские грешки кончились, наступил черёд о серьёзных вещах поговорить. О предательствах и убийствах, тобою совершённых. Напомню тебе, подлецу и убийце, о том, что ты за свою сознательную жизнь осознанно наворотил. Сколько душ со света белого спровадил. Скольких близких тебе и любящих тебя предал.

«Постой, постой! А ты не заговариваешься? Что значит – предал? А уж убил... Ты, что, совсем уже? Я никого не убивал»

– Ты?

«Да, я»

– Ты?!

«Я, я. Или ты снова про кузнечиков и майских жуков вспоминать будешь?»

– Мы с детством закончили. Так что не о насекомых речь. Помнишь Гретту?

«Гретту? – удивился я. – При чём здесь Гретта, это наша собака. Она от старости умерла. Мы её все очень любили. И мама, и папа, и я. Гретта у нас тринадцать лет прожила в тепле и уюте. Мы её мясом кормили и творогом. А ещё она винегрет любила. Мы ей ни в чём не

отказывали, она была членом нашей семьи. Так что ты тут обмишурился, уважаемый Человек Без Тела. Или у тебя информация неточная. Гретту я не убивал»

– Убил, – настойчиво произнёс Человек Без Тела. – Вспомни, как умерла ваша собака?

«Она старая стала. У неё лапы задние стали отказывать. Падала, подняться не могла. И ещё она ослепла почти, и слышать плохо стала. И тогда...»

Я замялся с продолжением.

– Ну-ну, – подбодрил меня Человек Без Тела.

«Папа увёз её в лечебницу, и Гретту там усыпили» – сокрушённо признался я.

– Только не говори мне, что ты здесь ни при чём, что это была только папина инициатива.

И не говори, что это ветеринар поставил ей смертельный укол.

«А разве это не так?»

– Подлец ты всё-таки, Колян! – вздохнул Человек Без Тела. – Ты кажешься мне омерзительным в своём желании отвертеться от содеянного. Да, Гретту отвёз на усыпление твой отец. Да, инъекция на совести ветеринара. А ты? Ты ни в чём не виноват? Ты – белый и пушистый?.. Виноват ты, Колян, ещё как виноват! Виноват в том, что не спорил с отцом, не убедил его в том, что Гретта должна умереть своей смертью, не бегал по ветеринарным аптекам в поисках витаминов и стимуляторов. Тебе так было проще. Нет человека (пардон, собаки) – нет проблемы. Не надо за ней говёшки убирать и лужи подтирать, не надо её по десять раз за прогулку с земли поднимать. Да и вообще, гулять не надо, время своё драгоценное тратить. Тебе Гретта мешала!

«Но так многие делают! – пытался сопротивляться я, хотя уже согласился с Человеком Без Тела. Я уже понимал, что это я, пусть только отчасти, виноват в смерти Гретты. – Так поступают все. Усыпляют своих питомцев, когда понимают, что их конец близок. Чтобы не мучились»

– Все? Да, все. Потому я и называю всех вас подлецами. Вы решаете – жить или не жить. Вы. Сами. За других. А право вы на это имеете? А ты спросил у своей Гретты, хочет ли она умирать? Она, собака твоя, смерти не боялась. Животные смерти не боятся, они не знают, что это такое. Они с вами, с подлецами, расставаться не хотят. Они вас любят.

Я был растоптан, а Человек Без Тела, казалось, наслаждался моим поражением и моим раскаяньем.

Он меня добил:

– Гретта прожила бы ещё четыре месяца и восемь дней. Немного. Но эти четыре месяца и восемь дней она была бы рядом с тобой.

Если бы я мог сейчас, завыл бы, как пёс, или разрыдался бы, как ребёнок. Я вспомнил грустные всё понимающие глаза Гретты, когда её уводили на смерть. Отец надел на неё ошейник, снял с крючка намордник (о том, что намордник необходим, сказал ветеринар) и повёл Гретту к выходу. Она не сопротивлялась, она просто поплелась рядом с отцом, а у двери повернула голову в мою сторону и посмотрела на меня долгим взглядом, прощаясь навсегда. Теперь я понимал (тогда нет, а теперь понимаю!) – Гретта знала, куда и для чего её уводят. Мне стало плохо, так плохо, как бывало не часто. Я чётко осознал: я – подлец.

«Я подлец, – признался я Человеку Без Тела. – А теперь отпусти меня. Я хочу... Я не знаю, чего я хочу. Но мне душно. Мне плохо! Я хочу увидеть свет!»

Я задёргался, вернее, хотел задёргаться, хотел вырваться отсюда и убежать куда глаза глядят. Но, как и тогда, во сне, я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Словно у меня их не было. А может я тоже – Человек Без Тела?

– Э! – прикрикнул на меня мой обличитель. – Ты чего дёргаешься? Куда? Мы с тобой только начали вспоминать твои тяжкие преступления. Убийство Гретты – тяжкое преступление, но не самое тяжкое. Не дёргайся и давай вспоминать остальные.

«А что, были ещё?» – подумал я чисто машинально, а может быть, из чувства противоречия, потому что прекрасно понимал: мой незванный гость знает обо мне всё, и помнит всё, что я творил на этом свете сорок четыре года, почти сорок пять, помнит о каждом моём шаге.

– А ты вспомни Машу Абарову, Колун!

Если бы мне было чем, я бы вздрогнул. Это было ударом ниже пояса, хотя Человек Без Тела по другому и не бил.

Маша!

Колун!

Маша называла меня Колуном!

– Что, вспомнил?

Первая любовь не забывается...

Не забывается? Я думал, что забыл.

Я ошибся.

Оказалось, что я помнил о Маше всегда. Я помнил всё, до самой мельчайшей подробности. Я помнил Машу. Её огромные серые глазища, пепельные волосы, её смех и её слёзы...

Маша Абарова появилась в девятом классе. Все пацаны, едва она вошла в класс, выпали в осадок. Я не выпал. Я, конечно, отметил, что новенькая – просто красавица, но внешне никак не выказал своего восхищения, потому что уже тогда в шестнадцатилетнем возрасте умел контролировать эмоции и трезво оценивать ситуацию. Куда она денется? Я – лучший. Если захочу, Маша Абарова будет моей.

Не знаю, что это? Откуда у меня эта уверенность?

Может быть, гены сыграли роль? Может, я получил такой набор хромосом от своего отца, прошедшего путь от простого токаря до директора завода? Папа сделал карьеру, потому что всегда поступал правильно. Он всегда знал, что делать, никогда ни с кем не заигрывал и ни с кем не советовался. Поэтому никто не знал, как он поступит в той или иной ситуации. Он был предсказуем лишь в одном: итогом любого дела, за которое он брался, была победа.

А может, это приобретённое? Я формировал свой характер на основании прочитанных мною книг. А книгами этими были «Зверобой», «Следопыт» и «Кожаный чулок», Фенимора Купера, главный герой которых, суровый и немногословный, никогда не выставляющий своих чувств напоказ Нат Бумпо, был моим идеалом. Вторым таким идеалом был для меня не конкретный литературный персонаж, а некий собирательный образ, слепленный моим воображением из героев произведений Джека Лондона. Что-то было в нём от Смока Беллью, что-то от Элама Харниша, что-то от капитана Ларсена. А третьим моим идеалом был человек вполне реальный, не книжный и не придуманный – мой тренер по каратэ Андрей Ильич Кумарин, который помимо стойек, блоков, ударов, ката и прочих японских премудростей, учил меня и моих приятелей по секции в спортивном клубе имени Гагарина тому, как, по его мнению, должен вести себя настоящий, уверенный в своих силах мужчина. И не только словами учил Кумарин. Мне нравилась его гордая осанка, его неторопливость в движениях и словах, его почти лишённое мимики лицо и редкие, но резкие выбросы энергии тогда, когда это требовалось, и в направлении того объекта, который он должен был поразить молниеносным и сокрушительным ударом. Я обожал своего тренера и всегда старался быть на него похожим.

Вообще-то официально Федерация каратэ была основана Алексеем Штурминым только в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году. Это так, но неофициальные секции существовали в СССР уже с начала семидесятых. Во всяком случае, у нас в Польшаграде такая секция была, и я начал заниматься в ней, когда учился ещё в седьмом классе. Правда, называлась она не школой каратэ, а «школой мужества» и в ней, кроме каратэ, занимались боксом и вольной борьбой, и эти два вида спорта были основными. Где Кумарин обучился искусству японской борьбы, и как он заработал второй дан каратэ Шокотан, я не знал, да мне это было и неважно. В секцию каратэ я ходил не для того, чтобы стать великим спортсменом. Не ради кубков, медалей

и почётных грамот. И не ради того, чтобы, хорошенько отработав приёмы и поставив удар, набить кому-нибудь при случае физиономию. Этих целей добивались мои приятели. А я просто хотел быть таким, как Кумарин – сильным, мужественным и умеющим за себя постоять. Я хотел быть бойцом, но не в буквальном, кулачно-пяточном смысле, а в более широком – я хотел быть бойцом по жизни.

Теперь, когда мне уже почти сорок пять, я удивляюсь самому себе. Себе, шестнадцатилетнему. Я мыслил иными категориями, нежели мои сверстники. Может быть, поэтому я – состоявшийся бизнесмен и небедный человек, а многие из них влачат жалкое существование, считают копейки, экономят на еде и одежде и живут в хрущёвках и в коммуналках. А некоторые уже и вовсе не живут. Те, что, научившись у Кумарина ломать челюсти и вышибать ударом пятки воздух из лёгких своих противников, ушли в бандиты, а у бандита, как известно, век недолог.

Как я справедливо рассудил, впервые увидев Машу, она и правда никуда не делась. Буквально через несколько минут, прошедших с начала первого урока, я почувствовал на себе её взгляд. Машин взгляд не опалил мою щёку огнём, как пишут в романах, он погладил по ней очень нежно и ласково. Маша продолжала смотреть на меня (её посадили в первый от двери ряд за соседний с моим стол, за партами мы уже давно не помещались), а я делал вид, что ничего не замечаю.

– Абарова! – вдруг строго сказала Елена Аркадьевна Маше от доски. – Якушев, конечно, очень симпатичный юноша, но если ты забыла, я напомню: идёт урок математики, и я объясняю всему классу и тебе новую тему.

Я повернул голову и увидел, что Маша сидит красная от смущения, с опущенными глазами. Потом она подняла их и украдкой взглянула на меня, проверить, не смотрю ли я на неё. Наши взгляды встретились, я улыбнулся и подмигнул. Не обидно. Маша улыбнулась в ответ и снова опустила взгляд в столешницу.

– Через сорок минут перемена, – продолжала математичка. – Тогда и налюбуетесь друг другом.

– Хорошо, Елена Аркадьевна, – громко сказал я, и класс заржал, как небольшой табунчик лошадей.

– Успокоились! – строго сказала Елена Аркадьевна. – Продолжим урок. Итак...

Я слушал вполуха и кожей правой щеки изредка ощущал Машины взгляды. На перемене я первым подошёл к ней и сказал:

– Меня зовут Николай.

– Маша.

– Хочешь, я договорюсь с Зинкой Перепеченовой, которая сидит рядом с тобой, и мы с ней поменяемся местами.

– Хочу, – просто сказала Маша. – А она не обидится на меня?

– За что? Я же сказал: договорюсь. Любой договор формулирует условия, удовлетворяющие обе стороны.

Маша восхищённо посмотрела на меня снизу вверх и сказала:

– Какой ты умный!

Я рассмеялся. Эту фразу я не сам придумал, я часто слышал её от отца. Как и подобает порядочному человеку, каким я себя тогда считал, я честно признался:

– Так мой отец говорит.

– А кто твой отец? – спросила Маша.

Она просто так спросила, без всякого умысла, я был в этом уверен.

– Мой отец – главный инженер на ПЭМЗе, – хвастливо ответил я. – Но скоро будет директором. Приказ, подписанный министром, скоро должен прийти. ПЭМЗ – это Польшоградский энергомеханический завод.

– Я знаю. Моя мама тоже работает на ПЭМЗе, в заводской библиотеке. Она недавно туда устроилась.

– Здорово! – сказал я. – Ну ладно, пойду с Зинкой договариваться.

С Зинкой Перепеченовой я договорился легко. У нас с ней ничего не было, с Зинкой. Ничего амурного. У Зинки был друг, его звали Никифор. Мы с ним вместе ходили в секцию Кумарина и даже немного дружили. Никифор учился в другой школе в десятом классе. А ко мне Перепеченова относилась неплохо, даже хорошо, считала меня парнем что надо.

Хитро улыбнувшись, Зинка сказала:

– Смотри Якушев, только успеваемость не понизь. – Зинка Перепеченова была нашей старостой.

– Не переживай, – успокоил я её. – Наоборот, я успеваемость повышать собрался. Через два года в институт поступать.

Следующим уроком должна была быть история, но пришла Елена Аркадьевна и сказала, что будет ещё одна математика.

– Надежда Николаевна ещё не вернулась из Сочи. Задержали самолёт.

– У-у-у! – завывли мы. Математику мало кто любил.

– А я смотрю, у вас некая рокировка произошла! – Елена Аркадьевна посмотрела на нас с Машей. – Я не против, но если вы будете отвлекаться и мешать мне вести урок...

– Мы не будем вам мешать, – заверил я Елену Аркадьевну, отвечая за себя и за Машу одновременно. – И отвлекаться не будем. Мы с Абаровою решили поступать в технический ВУЗ. Так что математика нам необходима. Как воздух.

– Ну, ну, – с сомнением в голосе сказала Елена Аркадьевна, и начала урок, а Маша посмотрела на меня недоумённо, пожала плечиками и стала внимательно слушать то, что рассказывала математичка. Позже я понял причину Машиного недоумения.

После уроков я проводил её до дома. Мы разговаривали о пустяках и о серьёзных вещах, таких, например, как наше будущее. Я узнал, что Маша не хочет поступать в технический ВУЗ. Что она любит литературу и историю, и что она ещё не решила, куда идти после школы – на филфак, или на исторический. Скорей всего, всё-таки на филфак. Маша призналась, что она сама пишет стихи, что у неё уже целая общая тетрадка. Я попросил её почитать что-нибудь, но она застеснялась, пообещала сделать это в другой раз.

Другой раз был на следующий день. Стихи в принципе я не любил, но одно дело брать в руки учебник или книгу со стихами и читать самому, а совсем другое, когда стихи читает другой человек, да к тому же – человек, который тебе нравится, да к тому же стихи собственного сочинения.

Я обалдевал, но всё же больше от Маши, чем от её стихов.

То, что я влюблён в Машу по уши, я понял сразу, с самого первого дня – когда проводил её и вернулся домой. Я не стал обедать, улёгся на тахту, и, заложив руки за голову, стал мечтать о том, что завтра приду в школу и снова увижу ЕЁ. Думаю, что Маша мечтала о том же.

Каждый день после уроков я провожал её домой, и это провожание длилось часа четыре, или больше. Иногда мы с Машей ходили в кино, иногда просто гуляли и разговаривали. На выходных мы пропадали вместе на весь день. Нам было очень хорошо вдвоём, нам никто не был нужен, никакая компания, даже о друзьях своих я забыл, а Маша забыла о подругах.

Да, это была любовь!

Однажды, когда мы гуляли с Машей в городском парке, к нам привязались трое парней. Они были выпившими и явно искали приключений.

– Дай закурить, – грубо сказал один из них, который был выше своих товарищей на целую голову, и даже на пару сантиметров выше меня.

– Не курю, – ответил я, и как-то сразу понял: драки не избежать.

– Спортсмен? – усмехнулся тот, что заходил справа.

– А девка у него ничего! – похабно осклабился третий и шагнул к Маше.

Маша испуганно вздрогнула и прижалась к моему плечу. Я сделал шаг вперёд, укрыв её спиной.

– Шли бы вы... своей дорогой, мужики, – с вызовом сказал я, сжимая кулаки. Хорошо, что руки у меня были свободными, портфели мы уже закинули по домам.

– Грубишь, – заметил высокий, и полез в карман чёрной болоньевой куртки.

Я не стал интересоваться тем, что он собирался достать из кармана и наотмашь ударил его кулаком в лицо. Наверное, он не ожидал от меня решительных действий и потому не успел уклониться. Удар получился не очень сильным, но высокий откинул голову, и, потеряв равновесие, сел на задницу прямо на мокрый асфальт.

– Сука... – как-то удивлённо произнёс он и удивился ещё больше, когда, потрогав свой нос и взглянув на ладонь, увидел кровь.

Двое его компаньонов бросились на меня одновременно. Один перехватил мою занесённую для второго удара правую руку, а второй пнул меня между ног. Я успел подставить бедро, так что мои гениталии не пострадали, но пнул он больно. Я крутанул рукой, и, освободившись, отпрыгнул назад, чуть не сбив спиной Машу. Поверженный враг уже поднялся и вытащил из кармана оружие. Это был кастет – литой свинцовый.

– Отойди в сторону! – крикнул я Маше, и, уклонившись от кулака с зажатым в нём кастетом, врезал высокому от всей души в солнечное сплетение. Развернулся на каблуке и ударил одного из нападавших подошвой ботинка в рожу. Высокий, сломавшись пополам, сдавленно кашлял и судорожно хватал ртом воздух. Кастет он выронил. Тот, кому я вlepил маваша с разворотом, улетел в кусты облетевшей сирени. Третий стоял и растерянно смотрел на своего кашляющего предводителя, нападать на меня он явно не собирался. Тем не менее, я его ударил. Ударил так, как учил Кумарин, по всем правилам японского боевого искусства – на выдохе, мысленно согнав в казанки кулака всю энергию. Хорошо, что ударил в плечо (собственно говоря, туда и метил), а то мог бы убить. Парень полетел вдоль аллеи, и, запутавшись в собственных ногах, упал. Плечо я наверняка ему выбил, или даже ключицу сломал.

– Кто-нибудь ещё желает... закурить? – тяжело дыша, спросил я.

Желающих не нашлось.

Мы с Машей ушли из парка, а нам в спину раздавались проклятья и обещания разобратся.

– А вдруг они нас подкараулят, и их будет больше? – испуганно спросила Маша.

– Пусть подкарауливают. Я и десяток таких хлипаков уделаю, – похвастался я. – Да и не будут они разбираться, они всё поняли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.